

Фархад Карагузов,

директор Школы права и государственного управления

Университета НАРХОЗ,

главный научный сотрудник НИИ частного права

Каспийского университета,

академик Международной академии сравнительного права (IACL),

доктор юридических наук, профессор

Кодекс Республики Казахстан
ЦИФРОВОЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
(комментарий к некоторым статьям Кодекса)

I. Комментарий к статьям 1, 2, 20, 21, 35, 36, 38, 40, 44

РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Отношения, регулируемые настоящим Кодексом

1. Настоящий Кодекс регулирует общественные отношения, возникающие в цифровой среде при создании, обращении, хранении, передаче и использовании цифровых данных и цифровых объектов.

Под цифровой средой понимается совокупность инфраструктуры, технологий, процессов и условий для создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов, осуществления и передачи прав на них вне зависимости от территории их размещения или регистрации прав в части, затрагивающей регулируемые настоящим Кодексом общественные отношения.

2. Имущественные и иные гражданско-правовые отношения, возникающие в цифровой среде, регулируются гражданским законодательством Республики Казахстан с учетом особенностей, установленных настоящим Кодексом.

3. Иностранцы, лица без гражданства и иностранные юридические лица, осуществляющие деятельность по созданию, обращению, хранению, передаче и использованию цифровых данных и цифровых объектов на территории Республики Казахстан, пользуются в Республике Казахстан правами и свободами, а также несут обязанности, установленные для граждан и юридических лиц Республики Казахстан, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Казахстан, настоящим Кодексом, законами Республики Казахстан и международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан.

1. Цифровой кодекс был принят по исполнению поручения Президента Республики Казахстан, которое было озвучено в его Послании народу Казахстана 8 сентября 2025 года. Это поручение было дано в связи с подчеркнутой им необходимостью осуществить модернизацию экономики «на основе масштабной цифровизации и активного внедрения технологии искусственного интеллекта», в качестве первого шага которой и было указано ускоренное принятие Цифрового кодекса, который должен был «определить ключевые направления цифровизации, включая

искусственный интеллект, платформенную экономику, использование больших данных и другие аспекты».¹

Цифровой кодекс представляет собой один из первых и немногих примеров своеобразной кодификации для регулирования цифровой среды национальной правовой системе. К моменту его принятия в Казахстане такого рода нормативный правовой акт был принят лишь в Кыргызской Республике.² Однако сравнение казахстанского и кыргызского кодексов свидетельствует о том, что они заметно различаются как содержательно (начиная с различия в объекте и предмете регулирования), так и с точки зрения юридической техники.

В Казахстане отказались от использования моделей, предлагаемых заинтересованным странам различными международными финансовыми институтами (как, например, Всемирный Банк), и Цифровой кодекс был разработан совместными усилиями казахстанских депутатов, представителей правительственных органов и экспертного сообщества с учетом состояния и перспектив социально-экономического развития Казахстана, его правовых традиций и культурных особенностей, а также необходимости укрепить национальный суверенитет и решить поставленные Главой государства задачи относительно предназначения и содержания Цифрового кодекса.

В том числе, разработчики Цифрового кодекса старались в максимально возможной степени придерживаться юридической техники действующего Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – «ГК»), в том числе отказавшись от формирования отдельной структурной части Кодекса с разъяснением в ней используемых понятий, разделяя традиции германской кодификации (издавна воспринятой казахстанской правовой системой) в области частного права, в большинстве случаев не усматривающей в таком методе настоятельной необходимости.³ Более того, применительно к Цифровому кодексу (с учетом начального этапа формирования цифрового законодательства и чрезвычайно высокой динамики изменений в цифровой среде) такая практика законотворчества представляется приносящей для целей правового регулирования больше вреда, нежели пользы.

Использование в Цифровом кодексе легальных дефиниций является очень экономичным и практичным: они служат одной-единственной цели – обеспечение правовой определенности. Определяются только те понятия,

¹ См. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» (08.09.2025 г.), интернет-ресурс <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>.

² См. Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178, интернет-ресурс <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru>

³ См. Книпер Р. *Законодательная техника*. В: Книпер Р. и Назарян В.Р., Очерки к проблеме юридической техники. GTZ, Эшборн, 1999. 62 с. С. 21 - 22.

без которых содержания правового режима различных объектов цифровой среды не может быть завершенным, а сами дефиниции по этой же причине размещены (как и в ГК) в непосредственной близости к другим нормам (как правило, в тех же статьях Кодекса), формирующим соответствующий правовой режим.

2. В пункте 1 комментируемой статьи определен объект регулирования нормами Цифрового кодекса, и содержится легальное определение цифровой среды.

В первой части этого пункта объектом регулирования нормами Цифрового кодекса названы общественные отношения, складывающиеся в цифровой среде по поводу создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов.

Легальное определение понятия цифровой среды содержится во второй части этого же пункта. Это – область существования цифровых данных и разнообразных (но регулируемых, то есть признаваемых законодательными актами Республики Казахстан) цифровых объектов, а также приобретения и осуществления прав в отношении них субъектами гражданского оборота.

В сущности, регулируемые Цифровым кодексом общественные отношения складываются в связи с существованием, использованием и оборотом цифровых данных, которые согласно пункту 1 статьи 16 Цифрового кодекса представляют собой «информацию, предоставленную в цифровой форме и пригодную для автоматизированного и (или) аналитического сбора, хранения, обработки, использования, передачи, распространения или удаления независимо от способа ее получения и формы цифрового предоставления». К цифровым данным также следует относить и преобразованные цифровые данные, определяемые в пункте 1 статьи 30 Цифрового кодекса как продукты цифровых данных.

В свою очередь, указанные сбор, хранение, обработка, использование, передача, распространение или удаление цифровых данных осуществляется посредством различных цифровых объектов, которые в пункте 1 статьи 20 Цифрового кодекса определяются как «обособленный элемент цифровой среды, созданный, используемый или передаваемый посредством цифровых технологий, обладающий уникальными цифровыми характеристиками и позволяющий субъектам цифровой среды осуществлять правомочия владения, пользования либо распоряжения в объеме, установленном законодательством Республики Казахстан».

3. Важным компонентом легальной дефиниции цифровой среды является то, что охватываемый ею оборот ее объектов включает «осуществление и передачу прав на них вне зависимости от территории их размещения или регистрации прав».

Определяя такой широтой охват (в условиях продолжающегося развития цифровой среды в Казахстане и неразвитости системы

международного сотрудничества в этой сфере на глобальном уровне), законодатель преследовал цель в максимальной степени обеспечить охрану публичного порядка Республики Казахстан и защиту прав субъектов цифровой среды и гражданского оборота в целом.

Вместе с тем, следует понимать, что объекты цифровой среды являются особыми объектами гражданских прав, но и они могут быть предметами трансграничных сделок и иных гражданских отношений с наличием в них иностранного элемента. Поэтому в деловой, правоприменительной и судебной практике неизбежно возникнут вопросы о необходимости применения коллизионных норм. С учетом того, что цифровизация гражданского оборота является новым явлением современного этапа общественного и правового развития, применение норм Раздела 7 (Международное частное право) ГК может быть затруднено ввиду отсутствия прямых норм о коллизионных привязках.

В этом вопросе заслуживают внимания Принципы УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права, которые не просто подчеркивают важность учитывать значимость правовой определенности относительно соединительных факторов (коллизионных привязок) в условиях отсутствия устойчивой сложившейся практики по вопросу указания на применимое право в отношении, в частности, цифровых активов и их платформ. Они также предлагают восприятие ниспадающей структуры коллизионных привязок (*waterfall structure of connecting factors*) и своеобразный новаторский подход,⁴ который, однако, может не позволить в полной мере реализовать на практике содержание пункта 1 комментируемой статьи относительно применения казахстанского права к цифровым объектам, созданным или размещенным вне территории его действия (в частности, в отношении цифровых активов, находящихся за пределами Казахстана или иным образом за пределами ее юрисдикции).

В этих условиях, для того, чтобы разрешение правовых ситуаций в условиях конфликта национальных правовых систем было эффективным, а также признание и принудительное исполнение судебных постановлений и арбитражных решений было результативным, необходимо развитие казахстанского учения в области международного частного права и создание в ГК новых современных коллизионных привязок для обоснованного и целесообразного разрешения правовых коллизий.⁵ Кроме того, особую остроту в этой ситуации приобретает целесообразность более активного обращения судов и арбитражей к правовой экспертизе признанных специалистов в области права.

⁴ См. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law: context, content, perspectives. Carmen Pastor Sempere and David Amable Morán Bovio, Eds. Springer, 2026. 653 p. Pp. 5 – 6 and 283 – 310.

⁵ См. Карагузов Ф. О применимом праве в сделках с участием иностранного субъекта по передаче бездокументарных ценных бумаг и необеспеченных цифровых активов. Интернет-ресурс https://katpartners.kz/Articles/ФК_ПрименимоеПравоСделкиЦифровыеАктивы_02042026.pdf [04.04.2026].

4. Таким образом, цифровые данные и цифровые объекты являются объектами правоотношений, складывающихся в цифровой среде.

При этом по своей природе они являются имущественными и (или) личными [неимущественными] правами и благами, которые могут принадлежать субъекту оборота, а права на них подлежат правовой защите. То есть и цифровые данные, и цифровые объекты являются объектами гражданских прав.

В пункте 2 статьи 115 ГК они непосредственно не поименованы, за исключением цифровых активов (см. комментарий статьи 22 Цифрового кодекса). Однако, перечень объектов гражданских прав, содержащийся в пункте 2 статьи 115 ГК, является открытым, означая, что «законодатель допускает возможность появления иных объектов гражданских права, относимых к имущественным благам и правам. Правовой режим этих объектов будет определяться особым законом (в данном случае – нормами Цифрового кодекса и других основанных на нем законодательных актов – Ф.К.), а правила ГК к подобным отношениям могут применяться в субсидиарном порядке».⁶

С учетом этого, особенности правового режима цифровых данных определяются нормами Цифрового кодекса. В частности, понятие цифровых данных, их классификация и формы существования, а также условия приобретения и осуществления прав в отношении них регулируются в статьях 16 – 19 Главы 3 Раздела 2 Цифрового кодекса.

В данном случае следует обратить внимание на то, что согласно статье 37 Цифрового кодекса цифровые данные являются средством идентификации субъекта цифровых данных, к которому они относятся. В связи с этим за каждым таким субъектом закреплены не только правомочия в отношении этих цифровых данных (право на доступ к ним, контроль, удаление, ограничение обработки, а также на получение информации о целях, правовых основаниях и способах обработки цифровых данных), но и право на защиту своих личных [неимущественных] прав, возникающих в связи с формированием и использованием его цифровых данных.

Вместе с тем, по вопросам защиты указанных личных [неимущественных] прав (как отмечено выше) помимо положений Цифрового кодекса, также могут применяться нормы статей 141 - 145 ГК, в которых не только сформулированы общие положения о защите личных неимущественных прав вообще, но которые также призваны регулировать гражданским законодательством личные неимущественные права, что является особенностью казахстанской правовой системы.⁷

⁶ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В четырех книгах. Книга 2. Статьи 115 - 187. Издание четвертое, исправленное и дополненное, с использованием судебной практики. / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы., 2022. – 624 с. С. 36 (комментарий ст. 115 ГК).

⁷ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). Книга 2. С. 20, а также 326 – 354 (комментарий стст. 141 – 145 ГК).

5. В свою очередь, понятие, виды и правовой режим цифровых объектов регулируются в Главах 4 – 6 Раздела 2 Цифрового кодекса.

Новаторством Цифрового кодекса является то, что в нем отражен современный функциональный (отличающийся от общепризнанного в казахстанской теории частного права) подход в признании владельцем и (или) собственником (и, соответственно, в предоставлении гражданско-правовой, в том числе – вещно-правовой, защиты их прав) не только тех лиц, которые фактически обладают вещами (то есть объектами материального мира; *things*), но также и тех, кому принадлежат нематериальные активы (имущественные блага; *economic utilities*), из обладания которыми управомоченные субъекты могут удовлетворять свои потребности, извлекать материальные выгоды, получать доходы от них/по ним или от их использования, а также распоряжаться ими по своему усмотрению и в своих интересах*.

*[*В данном случае само понятие права собственности, отраженное в ГК как триада правомочий владения, пользования и распоряжения, в настоящее время не позволяет эффективно защищать права собственников (как и соблюдать имущественные интересы других заинтересованных сторон) многих видов цифровых объектов, поскольку как действующая казахстанская доктрина вещного права, так и ГК исходят из того, что владелец и собственник должен осуществлять фактическое господство (обладание) вещью. С этим связано то, что предусмотренное Законом «О цифровых активах» еще при его принятии в 2023 году право собственности на криптовалюту (см. к примеру, пункт 3 статьи 8 этого Закона, оперирующий понятием «собственник необеспеченных цифровых активов») представляло собой, по сути, недействующую правовую норму (в смысле – не допускающую эффективную правовую защиту имущественных прав и ее принудительное исполнение).*

*Принятие же Цифрового кодекса позволяет применять меры правовой защиты и воздействия в отношении собственников любых цифровых объектов, включая вещественные и нематериальные, исходя из того, что право собственности представляет собой (хотя тоже триаду, но других) правомочий, а именно – пользования (*right to use / usus*), наслаждения [собственностью] (*right to enjoy / fructus*), в том числе, получая плоды, приращения и иной доход от своего имущества, а также отчуждения (*right to alienate / abusus*). Именно эта триада правомочий составляет содержание права собственности в современных развитых правовых системах, позволяя распространять правила о собственности в отношении нематериальных объектов.⁸*

*А, например, в итальянском Гражданском кодексе эта триада правомочий собственника сведена к двум – правомочиям наслаждаться собственностью (*right to enjoy*) и распоряжаться (*right to dispose*) имуществом (что, очевидно, также не препятствует собственнику использовать принадлежащее ему/ей имущество); права владения в итальянском законодательстве также вообще не существует.⁹*

⁸ См. Property Law. Cases, Materials and Text. S. van Erp. and B. Akkermann, eds. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012. – 1170 p. P. 212 - 214.

⁹ См. Iudica G. and Zatti P. Language and Rules of Italian Private Law. Fifth edition. Wolters Kluwer Italia / CEDAM, 2024. 281 p. P. 79 – 83.

Насколько казахстанские суды будут готовы применять такое новое понимание права собственности, предлагаемое Цифровым кодексом, покажут время и практика. Но очевидным является то, что казахстанские гражданско-правовая теория и законодательство, в частности, относительно понятия собственности (как и других институтов отечественного гражданского права) нуждаются в модернизации, чтобы правовая основа гражданского оборота была адекватной его потребностям.

Такой подход широко распространен и регламентирован законодательством (в том числе гражданскими кодексами) экономически развитых государств и демократических правопорядков. Например, итальянские законодатели расширили содержание понятия «имущество» (property) за пределы царства вещей, содержанием статей 810 и 813 итальянского Гражданского кодекса распространив понятие «движимой вещи» применительно ко всем правам, не касающимся недвижимости, и в частности, признавая имуществом любые блага, которые могут быть объектом гражданских прав, и любые субъективные права, имеющие экономическую полезность в качестве их сути/содержания.^{10]}

В частности, статья 38 Цифрового кодекса определяет правовой статус собственников и владельцев цифровых активов, за которыми признается право собственности или иные права, предусмотренными законами Республики Казахстан и условиями договора в отношении соответствующих цифровых объектов.

Однако, одновременно закреплено, что передача прав на цифровые объекты осуществляется на основаниях и в порядке, предусмотренных в ГК, Цифровым кодексом и условиями договора. В этом случае (в соответствии с пунктом 3 статьи 38) закрепляется контрактная передача (то есть передача этих прав по гражданско-правовому договору), которая будет осуществляться в соответствии с нормами ГК, но с учетом применимых требований Цифрового кодекса: в соответствии с пунктом 1 статьи 383 ГК, любой такой договор должен соответствовать императивным нормам законодательства, действующим в момент его заключения.

6. Одновременно, необходимо учитывать различную правовую природу разных видов цифровых объектов, что означает невозможность применения норм о праве собственности к некоторым из них. Например, если целый ряд цифровых объектов являются объектами именно права собственности (например, такие имущественные комплексы как объекты цифровой инфраструктуры (ст. 25), центры обработки данных (ст. 27), цифровые системы (ст. 28)), а в отношении других, уже нематериальных, цифровых объектов распространение права собственности и норм о владении является целесообразным (например, цифровые активы (ст. 22) или права, удостоверяемые цифровыми записями (ст. 21)), то в отношении других цифровых объектов более обоснованным представляется применение норм ГК об объектах интеллектуальной собственности (объективированных

¹⁰ См. Iudica G. and Zatti P. *Ibidem*. P. 50 – 51.

результатах творческой интеллектуальной деятельности),¹¹ например, в отношении прав на программное обеспечение (ст. 23) и цифровые ресурсы (ст. 24). В отношении же самих цифровых данных, помимо вышеупомянутых статей 141 – 145 ГК, для защиты прав субъектов гражданского оборота может потребоваться учитывать также нормы статьи 126 ГК о защите информации, составляющей охраняемую законом тайну.¹²

Таким образом, при квалификации правовых понятий, определении применимых норм законодательства и разрешении споров в цифровой среде по поводу прав на определенные цифровые объекты и их передаче необходимо выяснять правовую природу этих цифровых объектов как отдельного вида имущества (вида объектов гражданских прав).

7. С учетом того, что цифровые данные и цифровые объекты в соответствии с Цифровым кодексом являются объектами гражданских прав (имуществом), эти объекты обладают признаком оборотоспособности (ст. 116 ГК).¹³ Это означает, что цифровые объекты и цифровые данные могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте. При этом, согласно пункту 3-1 статьи 116 ГК особенности оборота цифровых активов (которые Цифровым кодексом признаются отдельным видом цифровых объектов) определяется законодательством Республики Казахстан (в частности, нормами Цифрового кодекса общего характера (статьи 20 и 22) и детальным регулированием соответствующими положениями Закона «О цифровых активах в Республике Казахстан» и банковского законодательства).

Содержанием пункта 1 комментируемой статьи предусмотрено регулирование его нормами отношений по возникновению прав на цифровые данные и цифровые объекты в аспекте их создания. То есть иные основания возникновения прав на указанные объекты могут регулироваться нормами ГК.

Кроме того, в соответствии с пунктом 1 комментируемой статьи, Цифровой кодекс регулирует и оборот (обращение) цифровых данных и цифровых объектов. При этом в рамках такого оборота Цифровой кодекс указывает на регулирование его нормами обращения цифровых данных и цифровых объектов, то есть совершения с ними различных гражданско-правовых сделок или иных оснований для изменения субъектного состава правоотношения в силу иных правовых оснований (как наследование, правопреемство юридических лиц, распределение оставшегося в результате ликвидации юридического лица имущества среди его участников и другие) либо изменения содержания самих прав на них (например, установление

¹¹ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). Книга 2. С. 131 – 147 (комментарий ст. 125 ГК).

¹² См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). Книга 2. С. 147 – 178 (комментарий ст. 126 ГК).

¹³ См. Цит. соч. С. 41 – 50 (комментарий ст. 116 ГК).

обременений, возникновение притязаний третьих лиц, ограничений в распоряжении и тому подобное), а также прекращение прав на цифровые объекты и цифровые данные и связанные с ними обязанности, и(или) доступа к ним (например, регулируемое статьей 41 Цифрового кодекса так называемое «право на забвение» – право субъекта цифровой среды требовать удаление или ограничение обработки его/ее персональных данных, и право на анонимизацию).

Отдельно нормами Цифрового кодекса регулируются отношения по хранению цифровых данных и цифровых объектов. Однако эти отношения не являются отношениями, регулируемыми договором хранения. Цифровой кодекс регулирует вопросы, связанные, прежде всего, с обеспечения полноты, достоверности, актуальности и сохранности цифровых данных, содержания цифровых записей и реестров, соблюдением личных неимущественных прав владельцев цифровых данных.

Нормами Цифрового кодекса также регулируются отношения по передаче цифровых данных и цифровых активов, что включает в себя основанное как на договоре, так и на иных правовых основаниях изменение контроля в отношении цифрового объекта (то, что может быть включено в состав понятия «обращение»), но в большей степени – вопросы предоставления и ограничения доступа к цифровым данным.

Использование цифровых данных и цифровых активов означает извлечение субъектом-правообладателем (собственников, владельцем) выгод, получение дохода или другого прироста, иное наслаждение (удовлетворение иных потребностей) от того, что эти объекты принадлежат такому субъекту, будь то результатом использования объектов по их назначению либо их иное не запрещенное законом применение.

8. Пункт 2 комментируемой статьи определяет ГК и Цифровой кодекс в качестве источников регулирования имущественных отношений в цифровой среде, устанавливая правила их применения с учетом особенностей цифровой среды.

С учетом того, что Цифровой кодекс регулирует обращение цифровых данных и цифровых объектов в качестве имущества (оборонеспособных объектов гражданских прав) и обеспечивает правовую охрану прав субъектов цифровой среды (правообладателей в отношении цифровых данных и цифровых объектов), сама цифровая среда является составной частью гражданского, то есть имущественного, оборота.

В соответствии со статьей 1 ГК имущественные отношения регулируются гражданским законодательством, где основополагающим правовым актом является сам ГК.¹⁴ Вместе с тем, ГК не регулирует

¹⁴ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В трех книгах. Книга 1. Статьи 1 - 114. Издание четвертое, исправленное и дополненное, с использованием судебной практики. / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы., 2020. – 896 с. С. 26 - 34 (комментарий ст. 1 ГК).

цифровую среду, многие объекты которой (прежде всего, цифровые данные, цифровые записи и некоторые другие) обладают существенными особенностями, не учтенными в содержании ГК.

В связи с этим, пункт 2 комментируемой статьи, признавая исключительное значение ГК как самого главного источника регулирования имущественных отношений, предусматривает, что имущественные и иные гражданско-правовые отношения, возникающие в цифровой среде, регулируются гражданским законодательством Республики Казахстан. В силу же существенной специфики цифровой среды и ряда ее объектов, в этом же пункте устанавливается, что нормы ГК применяются с учетом особенностей, установленных Цифровым кодексом.

Как уже говорилось выше, в такой ситуации приоритетом в применении пользуются нормы Цифрового кодекса, а нормы ГК подлежат применению для заполнения пробелов регулирования (каковых на момент принятия Цифрового кодекса имеется преобладающее количество в виду очевидного новаторства Цифрового кодекса, требующего осмотнительное введение не апробированных или недостаточно апробированных юридических концепций и конструкций в правовую действительность*).

*[*Следует подчеркнуть, что вполне логичным было бы соответствующее дополнение и изменение самого ГК, чтобы надлежащим образом регламентировать имущественные отношения в цифровой среде. Однако, это возможно только в условиях полноценной и очень вдумчивой модернизации ГК (по сути – системной рекодификации гражданского законодательства), что в условиях, когда на разработку и принятие Цифрового кодекса было выделено лишь три месяца, является просто невозможным без разрушения ГК и создания хаоса в вопросах правового регулирования гражданского оборота.*

Например, Цифровой кодекс содержит целый ряд правовых инноваций в вопросах правового регулирования частноправовых отношений. В числе таковых, но не ограничиваясь только их перечислением, можно назвать введение в категориальный аппарат казахстанского законодательства понятий «публичный интерес», «цифровой кондоминиум», так называемые «право на забвение» и «цифровая идентичность», другие юридические понятия с определением конкретных правил регулирования или применимого правового режима.

При этом, очень важным является обоснованный отказ разработчиков от введения в законодательство понятия «цифровые права», до сих пор остающегося концепцией, по крайней мере, недостаточно обоснованной с юридической доктринальной точки зрения. Особо важным является отражение в Цифровом кодексе, по крайней мере, основных элементов правового режима публичного имущества / объектов публичного интереса (правда, пока только в отношении национальных цифровых объектов), позволяя обеспечить охрану фундаментальных для нашего общества ценностей,¹⁵ в том числе соблюдение

¹⁵ Например, Модельные правила Европейского частного права (DCFR) к публичному интересу относят фундаментальные для демократического общества ценности. (см. Christian von Bar, Eric Clive and Hans Schulte-Nölke and others, Eds. Principles. Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) (clause VI. – 5:203). Outline Edition. Sallier. European Law Publishers GmbH, 2009. P. 407).

имущественных и иных правомерных интересов неопределённого и многочисленного круга лиц, в первую очередь – казахстанских граждан.

Все это - концепции, которые относятся к сфере частноправового регулирования, но которые в столь жестких временных условиях, в отсутствие прочной доктринальной основы регулирования цифровой среды и методологии юридических кодификаций не могут сегодня включаться в состав ГК без угрозы разрушения основополагающего законодательного акта частного права.

При этом, они являются концепциями, относящимися к уровню основных категорий гражданского законодательства, отношениям собственности, защите имущественных и личных прав, определению правового режима публичного и частного имущества, создающими основы для правовой институционализации юридических лиц публичного права и решения других задач модернизации гражданского законодательства. Это является еще одним обстоятельством, обосновывающим соответствующее регулирование частноправовых отношений нормами кодекса (в данном случае – положениями Цифрового кодекса).

С учетом этого законодателем было принято решение разрабатывать Цифровой кодекс, который на какой-то период времени в части регулирования имущественных отношений в цифровой среде стал бы продолжением и детализацией ГК.

Именно признание цифровой среды в качестве органической составной части гражданского оборота и включение в содержание Цифрового кодекса особенностей правового режима цифровых данных и цифровых объектов как объектов гражданских прав, позволяет обосновать его место в числе казахстанских кодексов.

В любом случае, сегодня у Цифрового кодекса есть свой предмет (объект) регулирования – общественные отношения, возникающие и реализующиеся в цифровой среде по поводу или в связи с формированием, использованием и оборотом цифровых записей и цифровых объектов. Это - та огромная область общественных отношений, которая до принятия Цифрового кодекса не регулировалась или регулировалась весьма фрагментарно, причем в отсутствие основополагающих принципов необходимого регулирования и единого категориального аппарата, которые бы объединяли существующие и принимаемые в будущем правовые акты, как и в отсутствие необходимой связи с другими отраслями казахстанского законодательства. Этот пробел в достаточной на данный момент степени устраняется принятием Цифрового кодекса (в том числе за счет определенного количества необходимых сейчас бланкетных и отсылочных норм).

В то же время практика применения Цифрового кодекса позволит создать плодотворную основу как для теоретического осмысления и обоснования вопросов правового регулирования цифровой среды, так и для дальнейшего развития казахстанской правовой системы (включая упомянутую рекодификацию гражданского права Казахстана).]

9. В пункте 3 комментируемой статьи регулируется вопрос о правовом статусе иностранных субъектов и лиц без гражданства, когда они осуществляют деятельность в Казахстане в рамках цифровой среды.

В частности, устанавливаются нормы о равном с казахстанскими субъектами правовом статусе апатридов (лиц без гражданства) и иностранных граждан и юридических лиц в цифровой среде, а также о

приоритете Конституции и ратифицированных Республикой Казахстан международных договоров в отношении норм Цифрового кодекса в регулировании правового статуса перечисленных субъектов.

При этом, положения комментируемого пункта в их преобладающем содержании аналогичны тому, как это установлено в пунктах 7 и 8 статьи 3 ГК, а также в пунктах 2 (относительно приоритета Конституции) и 3 (относительно приоритета ратифицированных международных договоров) Конституции Республики Казахстан 1995 года.

Тем не менее, обоснованность этого пункта 3 обуславливается тем, что хотя цифровая среда – это преимущественно гражданско-правовой оборот, но она может включать в себя и иные, помимо имущественных, отношения. В связи с этим действующих норм статьи 3 ГК недостаточно для регулирования общественных отношений, складывающихся в цифровой среде*.

*[*В то же время, обращает на себя внимание то, что закрепление в Цифровом кодексе приоритета Конституции Казахстана над его нормами не несет особой смысловой нагрузки, поскольку и пункт 3 статьи 5 новой Конституции Республики Казахстан 2026 года определенно закрепляет, что она по-прежнему имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Казахстан.]*

Вместе с тем, установление в Цифровом кодексе приоритета международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, приобретает существенное значение, поскольку новая Конституция Казахстана 2026 года отказалась от нормы о таком приоритете, в пункте 3 статьи 5 установив, что «порядок действия на территории Республики Казахстан международных договоров определяется законами». В связи с этим, закрепленное в пункте 3 комментируемой статьи соотношение норм Цифрового кодекса и ратифицированных Казахстаном международных договоров в регулировании правового статуса иностранных субъектов и лиц без гражданства приобрело особо существенное значение для регулирования цифровой среды в Казахстане.]

При этом следует обратить внимание на то, что пункт 3 комментируемой статьи также предусматривает, что особенности правового статуса иностранцев, апатридов и иностранных юридических лиц могут устанавливаться другими законами Республики Казахстан, и нормы этих законов могут иначе регулировать равенство субъектов цифровой среды, чем это предусмотрено в пункте 3 комментируемой статьи. В этом случае приоритет в применении относительно регулирования поведения иностранных субъектов и апатридов в цифровой среде имеют такие законы.

...

Статья 2. Цифровое законодательство Республики Казахстан

1. Цифровое законодательство Республики Казахстан основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из настоящего Кодекса и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан.

2. Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед настоящим Кодексом. Порядок и условия действия на территории

Республики Казахстан международных договоров, участницей которых является Республика Казахстан, определяются законодательством Республики Казахстан.

3. В случаях противоречия между настоящим Кодексом и иными законами Республики Казахстан по вопросам регулирования отношений в цифровой среде применяются положения настоящего Кодекса.

1. Комментируемая статья определяет, что составляет цифровое законодательство Республики Казахстан, то есть законодательство, которое (согласно пункту 1 статьи 1 Цифрового кодекса) регулирует отношения, складывающиеся в цифровой среде по поводу возникновения (создания, формирования), обращения и использования цифровых данных и цифровых объектов.

Согласно пункту 1 комментируемой статьи цифровое законодательство основывается на Конституции Республики Казахстан. Это означает, что собственно Конституция в состав цифрового законодательства не входит.

Однако в содержание Конституции включены нормы, которые предопределили содержание Цифрового кодекса. Эти нормы касаются суверенитета нашего государства, понятия действующего права Республики Казахстан, действия международных договоров и возможности создания особых правовых режимов в рамках выделенных территорий (например, для регулирования отношений в цифровой среде значение имеет функционирование Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) и действия так называемого права МФЦА), отношений собственности и реализации правомочий собственника, правосубъектности, пределов осуществления прав, правового статуса казахстанских граждан и иностранцев с апатридами, юрисдикции казахстанских судов и исполнения судебных решений.

Следует понимать, что Цифровой кодекс принят на основании Конституции Республики Казахстан 1995 года. Принятие новой Конституции Республики Казахстан в 2026 году может обусловить уточнение каких-то положений Цифрового кодекса. В то же время и Конституция 1995 года (в пункте 2 статьи 4), и новая Конституция 2026 года (в пункте 2 статьи 5) закрепляют высшую юридическую силу и прямое действие Конституции на всей территории Республики Казахстан. Это означает, что, во-первых, при противоречии какого-то положения Цифрового кодекса конституционным нормам, последние могут применяться напрямую (либо воспрепятствуют применению не соответствующих им положений Кодекса), а во-вторых, (применительно только к частноправовым / гражданско-правовым отношениям) при отсутствии возможности восполнить посредством аналогии закона какого-то пробела регулирования в нормах Цифрового кодекса непосредственное применение норм Конституции может использоваться как способ восполнения такого пробела как по аналогии закона (если в Конституции

будут найдены нормы, регулирующие сходные отношения), так и по аналогии права.

2. Согласно пункту 1 комментируемой статьи собственно цифровое законодательство состоит из Цифрового кодекса и иных нормативных правовых актов. Такое определение представляется весьма широким. Поэтому в процессе правоприменения и разрешения гражданско-правовых споров (с учетом содержания пункта 1 статьи 1 и пункта 3 комментируемой статьи) Цифровой кодекс имеет приоритет в применении по отношению к законодательным положениям, регулирующим общественные отношения в цифровой среде.

Такие законодательные положения могут быть включены в отдельные законы, регулирующие те или иные аспекты правоотношений в цифровой среде. Например, таковыми являются Законы Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» относительно майнинга и обеспеченных цифровых активов, «О банках и банковской деятельности» от 16 января 2026 года № 258-VIII в части регулирования цифровых финансовых активов, от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте» в качестве правовой основы для развития и применения искусственного интеллекта. Отдельного внимания заслуживают регулирующие акты МФЦА как нормативная основа для рынка криптовалют в рамках юрисдикции МФЦА.

В состав цифрового законодательства входят и нормативные правовые акты более нижних уровней, если они приняты во исполнение предписаний Цифрового кодекса и других законов, регулирующих отношения в цифровой среде.

К цифровому законодательству также следует отнести международные договоры Республики Казахстан, положения которых непосредственно или опосредованно через нормативные правовые акты Республики Казахстан регулируют правоотношения в цифровой среде на территории Казахстана.

3. В пункте 2 комментируемой статьи предусмотрена норма о том, что ратифицированные Республикой Казахстан международные договоры имеют приоритет перед Цифровым кодексом в регулировании отношений, складывающихся в цифровой среде, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 1 Цифрового кодекса.

Это означает, что при регулировании таких правоотношений положениями ратифицированного договора и нормами Цифрового кодекса в случае их противоречия друг другу применению подлежат положения такого международного договора. Данная норма полностью соответствует содержанию пункта статьи 4 Конституции Республики Казахстан, послужившей основой для Цифрового кодекса.

В то же время пункт 2 комментируемой статьи также предусматривает, что порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участницей которых является Республика

Казахстан, определяются законодательством Республики Казахстан. Это в целом соответствует пункту 3 статьи 5 новой Конституции Республики Казахстан (вступает в силу с 1 июля 2026 года), согласно которому «порядок действия на территории Республики Казахстан международных договоров определяется законами». Однако это второе предложение комментируемого пункта может войти в противоречие с первым предложением этого же пункта, предусматривающим приоритет ратифицированных международных договоров перед Цифровым кодексом.

В связи с этим, в процессе правоприменения и разрешения споров эти две нормы пункта 2 комментируемой статьи должны пониматься так, что в случае их противоречия друг другу нормы ратифицированного международного договора имеют безусловный приоритет перед нормами Цифрового кодекса, а установленные законами порядок и условия действия международных договоров на территории Казахстана не могут умалять правовое значение этого правила.

Что касается всех остальных международных договоров Республики Казахстан (не являющихся ратифицированными договорами), то условия и порядок их действия для регулирования отношений в цифровой среде должны определяться законами (в силу пунктов 2 и 3 статьи 5 новой Конституции Республики Казахстан 2026 года), но не иными актами законодательства (как предусмотрено в комментируемой статье).

4. В пункте 3 комментируемой статьи содержится императивное правило о приоритете норм Цифрового кодекса перед нормами иных законов в случае противоречия между ними по вопросам регулирования отношений в цифровой среде. Однозначность этой нормы не требует ее комментирования.

Однако для ее применения на практике требуется надлежащая идентификация соответствующего правоотношения как общественного отношения, сложившегося / складывающегося в цифровой среде.

Для этого потребуется выяснение того, что является предметом данного правоотношения (каковым в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Цифрового кодекса могут быть цифровые данные или цифровые объекты), и что представляет собой объект этого правоотношения (каковым являются права и обязанности в отношении цифровых данных или цифровых объектов, возникающие в процессе их создания, обращения, хранения, передачи или использования).

...

РАЗДЕЛ 2. ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ

Глава 4. ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ

Статья 20. Цифровые объекты и их виды

1. Цифровой объект - обособленный элемент цифровой среды, созданный, используемый или передаваемый посредством цифровых технологий, обладающий уникальными цифровыми характеристиками и позволяющий субъектам цифровой среды осуществлять правомочия владения, пользования либо распоряжения в объеме, установленном законодательством Республики Казахстан.

2. К цифровым объектам относятся:

- 1) цифровые записи;
- 2) цифровые активы;
- 3) цифровые ресурсы;
- 4) программное обеспечение;
- 5) цифровые системы;
- 6) цифровые платформы;
- 7) объекты цифровой инфраструктуры;
- 8) продукты цифровых данных;
- 9) иные цифровые объекты, предусмотренные законами Республики Казахстан.

3. Цифровые объекты подлежат систематизации путем их идентификации, категоризации, описания и учета в классификаторе цифровых объектов, который формируется и ведется уполномоченным органом.

4. Приостановление функционирования или ограничение доступа пользователей к цифровым объектам допускается в случаях и порядке, предусмотренных законами Республики Казахстан, и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

1. В пункте 1 комментируемой статьи содержится легальная дефиниция цифрового объекта. Цифровые объекты, наряду с цифровыми данными, являются объектами цифровой среды.

Легальная дефиниция цифровой среды, содержащаяся во второй части пункта 1 статьи 1 Цифрового кодекса, как и содержание статьи 1 в целом, признают цифровую среду областью, которая в ее преобладающем объеме является сферой частноправовых отношений и гражданского оборота, складывающегося по поводу формирования и использования цифровых данных, обращения с ними (см. комментарий к статьям 16 – 19 Цифрового кодекса).

Собственно цифровые объекты представляют собой средства, обеспечивающие оборот цифровых данных, то есть, как определено в пункте 1 статьи 16 Цифрового кодекса, их предоставление, сбор, хранение, обработку, использование, передачу, распространение и удаление как определенной информации (сведений) в цифровой форме.

Цифровые объекты являются оборотоспособными объектами гражданских прав, поскольку согласно содержащейся в комментируемом пункте легальной дефиниции они являются объектами права собственности

(как и любых других имущественных права), которые могут принадлежать субъектам цифровой среды, то есть согласно пункту 1 статьи 36 Цифрового кодекса – физическим и юридическим лицам.

В связи с этим право собственности и иные вещные или обязательственные права на цифровые возникают по основаниям возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, предусмотренным в статье 7 ГК. А согласно пункту 3 статьи 38 Цифрового кодекса, и передача прав на цифровые объекты также осуществляется на основаниях и в порядке, предусмотренных ГК и (с учетом особенностей цифровых объектов) Цифровым кодексом. При этом здесь же договор является непосредственно поименованным основанием передачи прав на цифровые объекты.

От других видов объектов гражданских прав цифровые объекты отличаются следующими характеристиками:

(i) цифровой объект является элементом цифровой среды, а следовательно, он предназначен и(или) используется «для создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов, осуществления и передачи прав» (вторая часть пункта 1 статьи 1 Цифрового Кодекса). Использование цифрового объекта по иному назначению, если и допускается, то постольку поскольку сохраняется его преобладающее использование именно как элемента цифровой среды;

(ii) цифровой объект должен быть признан цифровым объектом в установленном порядке и обладать цифровыми характеристиками (см. пункт 3 комментируемой статьи)

(iii) цифровой объект создается исключительно или в какой-то, но существенной, части (в зависимости от вида цифрового объекта) с использованием цифровых технологий;

(iv) цифровой объект используется и передается с использованием цифровых технологий.

Цифровая природа цифровых объектов, однако, должна обеспечивать (и не должна ограничивать) их оборотоспособность как объектов гражданских прав (не только их «передаваемость», но и возможность в полной мере реализовывать в отношении них правомерный интерес и имущественные права собственника или владельца). В том числе должна быть обеспечена возможность приобретения и осуществления права собственности на цифровые объекты, и возможность передачи прав на них от одного субъекта к другому в соответствии с законодательством Республики Казахстан (и это должно включать применение коллизионных норм и выбор применимого права в правоотношениях с участием иностранного элемента), если только оборот каких-то цифровых объектов или их видов не ограничивается законом или в соответствии с законом.

Не обладающие вышеуказанными характеристиками оборотоспособности объекты гражданских прав цифровыми объектами признаваться не могут.

Следует, однако, учитывать, что правомочия собственников и владельцев (их имущественные правомочия) могут ограничиваться, нередко обуславливая и ограничение оборотоспособности принадлежащих им цифровых объектов. В частности, ограничение оборотоспособности некоторых видов цифровых объектов предусмотрено в связи с закреплением за ними статуса объектов публичного интереса. Например, пункт 3 статьи 34 Цифрового кодекса признает национальные цифровые объекты объектами публичного интереса (то есть существующими и функционирующими как всеобщее благо, для общего пользования всеми заинтересованными сторонами, для удовлетворения общих потребностей). В качестве таковых эти цифровые объекты не подлежат отчуждению, передаче в залог, установлению в отношении них обременений или имущественных притязаний, а также взысканию по обязательствам владельцев или иных лиц, за исключением случаев, прямо предусмотренных законами Республики Казахстан.

К случаям ограничения оборотоспособности цифровых объектов в соответствии с законом также следует отнести ситуации, когда возможность осуществления субъективных гражданских прав в отношении отдельного цифрового объекта ограничивается по основаниям, на условиях и в порядке, регулируемых в законодательных актах*.

*[*Например, статьей 89 Налогового кодекса Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII предусмотрена возможность блокировки интернет-ресурса в случаях неисполнения уведомления о постановке на регистрационный учет в налоговом органе и уведомления о расхождении по результатам камерального контроля.*

В свою очередь, Законом Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте» предусмотрен ряд оснований для возможного ограничения использования технологии искусственного интеллекта. В частности, его статья 10 устанавливает, что эксплуатация систем искусственного интеллекта возможна при соблюдении требований защиты данных и конфиденциальности, исключая неправомерный сбор, хранение и распространение персональных данных. Помимо этого, статья 17 упомянутого Закона запрещает создание и эксплуатацию отдельных видов систем искусственного интеллекта.

Так же и Законом от 10 июля 2023 года № 18-VIII «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» прямо установлено основание для ограничения деятельности онлайн-платформ на территории Республики Казахстан уполномоченным органом в случае несоблюдения законных требований к деятельности онлайн-платформ (статья 24).

Кроме того, статьи 53 и 54 Закона «О кибербезопасности» (теперь так называется прежде известный как Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации», получивший новое наименование на основании Закона Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 256-VIII «О

внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам цифровизации, транспорта и предпринимательства») устанавливают требования к защите цифровых объектов, то есть осуществлению комплекса правовых, организационных и технических мероприятий, направленных на сохранность цифровых объектов, предотвращение неправомерного или непреднамеренного доступа воздействия на них. К таким неправомерным, несанкционированным или непреднамеренными действиями в том числе относится блокирование цифровых ресурсов и объектов цифровой инфраструктуры, в виде действия, приводящих к ограничению и закрытию доступа к ним. Таким образом, Закон обременяет собственников и владельцев объектов информатизации обязательностью осуществления предусмотренных действий по защите соответствующих цифровых объектов.]

2. В пункте 2 комментируемой статьи содержится перечень объектов гражданских прав, относимых к цифровым объектам. Это перечень не является исчерпывающим, поскольку позволяет, чтобы законами Республики Казахстан иные объекты могли признаваться цифровыми объектами. В содержании этого пункта со всей однозначностью установлено, что только то, что признано цифровым объектом нормами законов Республики Казахстан, является цифровым объектом в рамках казахстанской юрисдикции.

Казахстанский законодатель отказался от признания такого вида цифровых объектов (и объектов цифровой среды в целом) как «так называемые «цифровые права», поскольку:

(i) не усматривает существования и оснований для существования каких-либо иных видов субъективных гражданских прав кроме тех, которые уже признаются гражданским законодательством в качестве объектов гражданских прав и обращаются в качестве таковых,

и

(ii) рассматривает цифровую форму существования и передачи субъективных гражданских прав как еще одну такую юридическую форму наряду с фактическими обстоятельствами (например, владение), простой или квалифицированной письменной (на бумаге) и электронной формой, включая записи в бумажных и электронных реестрах (как, например, реестры прав на недвижимое имущество, реестры и лицевые счета держателей ценных бумаг, банковские счета и другие электронные носители информации об имущественных правах субъектов оборота).

С учетом содержания комментируемого пункта, цифровая форма – это такая форма, которая применяется с использованием цифровых технологий и позволяет идентифицировать цифровой объект за счет уникальных цифровых характеристик.

Легальные дефиниции (определения понятий) каждого из перечисленных в пункте 2 комментируемой статьи цифрового объекта, особенности его правового режима, классификации, условий создания (возникновения), использования и передачи и иные значимые из

относящихся к ним юридических правил, включены в соответствующие статьи Цифрового кодекса. В частности, к цифровым объектам отнесены:

- 1) цифровые записи (см. комментарий к статье 21);
- 2) цифровые активы (см. комментарий к статье 22);
- 3) программное обеспечение (см. комментарий к статье 23);
- 4) цифровые ресурсы (см. комментарий к статье 24);
- 5) объекты цифровой инфраструктуры (см. комментарий к статье 25) и, как отдельный вид таких объектов - центры обработки данных (см. комментарий к статье 27);
- 6) цифровые системы (см. комментарий к статье 28);
- 7) цифровые платформы (см. комментарий к статье 29 и, в отношении цифровых платформ обмена и оборота продуктов цифровых данных, к статье 31);
- 8) продукты цифровых данных (см. комментарий к статье 30);
- 9) иные цифровые объекты, предусмотренные законами Республики Казахстан; в их числе можно назвать распределенные цифровые объекты, предусмотренные самим Цифровым кодексом (см. комментарий к статье 26), а также цифровые финансовые активы, регулируемые нормами Закона от 16 января 2026 года № 258-VIII «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан».

3. В пункте 3 комментируемой статьи устанавливается условие признания объекта цифровым объектом. В частности, от уполномоченного органа (в настоящее время это - Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития) требуется формальная систематизация цифровых объектов путем их идентификации, категоризации, описания и учета в классификаторе цифровых объектов, который формируется и ведется уполномоченным органом.

Очевидно, что такая систематизация должна оформляться правовыми актами уполномоченного органа, в содержании которого для каждого вида цифровых объектов будет предоставлено описание (указание его характеристик и атрибутов), все они будут классифицированы по видам, назначению и функциям, и будет сформирован некий реестр цифровых объектов; кроме того, каждый отдельный объект будет внесен (таким образом учтен) в какой-то единый реестр / классификатор, формируемый уполномоченным органом, и ему будет присвоен какое-то уникальное обозначение.

Утверждение соответствующих нормативных правовых актов уполномоченного органа, проведение соответствующих мероприятий и формирование упомянутых реестров / классификаторов ожидается после вступления Цифрового кодекса в силу с 12 июля 2026 года.

4. Хотя в качестве общего правила определяется оборотоспособность цифровых объектов, в пункте 4 комментируемой статьи предусматривается возможность приостановления функционирования или

ограничение доступа пользователей к цифровым объектам в случаях и порядке, предусмотренных законами Республики Казахстан, и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Эта норма Цифрового кодекса соответствует основным началам гражданского законодательства, в частности, закрепленным в пункте 3 статьи 2 ГК, согласно которому свобода перемещения и обращения товаров, работ и услуг на всей территории Казахстана, а какие-то ограничения могут быть введены законодательными актами, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

В настоящее время таких специальных ограничений еще не создано, поскольку Цифровой кодекс еще не вступил в силу и не выполнено требование пункта 3 комментируемой статьи (невозможно приостанавливать функционирование цифровых объектов, пока они не описаны, идентифицированы и учтены). В любом случае, соответствующие законодательные инициативы возможны после вступления Цифрового кодекса в силу с 12 июля 2026 года.

...

Статья 21. Цифровые записи

1. Цифровой записью признается обособленный цифровой объект, представляющий собой зафиксированную в цифровой форме информацию или сведения о такой информации, имеющие уникальные идентификационные характеристики, позволяющие установить содержание, источник, структуру или назначение записи.

2. Цифровые записи подразделяются на:

1) идентификационные цифровые записи - фиксирующие информацию или сведения фактического, персонального или служебного характера и предназначенные для индивидуализации цифровых данных;

2) правоудостоверяющие цифровые записи - удостоверяющие возникновение, принадлежность, переход, обременение или прекращение прав на цифровые и (или) материальные объекты, включая вещи, товары, сырьевые ресурсы и иные активы, а также права требования, связанные с такими объектами.

3. Идентификационные цифровые записи, в том числе содержащие персональные данные, не участвуют в гражданском обороте, а права на их содержание (информацию) защищаются в качестве нематериальных благ (личные неимущественные права) либо информации с ограниченным доступом в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

4. Цифровые записи, содержащие персональные данные и предоставленные государственным органам, используются государственными органами только на основании и в пределах, которые установлены законами Республики Казахстан, без возникновения права собственности у государства на такие данные, за исключением случаев, прямо предусмотренных законами Республики Казахстан.

5. Правоудостоверяющие цифровые записи допускают передачу, отчуждение, обременение или иное распоряжение соответствующими имущественными правами. Особенности создания, использования, учета и оборота правоудостоверяющих

цифровых записей устанавливаются законодательством Республики Казахстан о цифровых активах.

1. Комментируемая статья формирует основы правового режима цифровых записей в качестве одного из видов цифровых объектов. В том числе комментируемая статья содержит легальную дефиницию цифровой записи, закрепляет классификацию цифровых записей и регулирует юридически значимые особенности. И условия использования (обращения) цифровых записей каждого из двух предусмотренных видов.

Поскольку цифровые записи признаются объектами цифровой среды, они отвечают всем общим характеристикам таких объектов (см. пункт 1 комментария к статье 20), в том числе они создаются, используются и передаются посредством цифровых технологий для целей функционирования цифровой среды.

Следует отметить, что в формировании правового режима цифровой записи Цифровой кодекс в целом следует подходам, отраженным в Принципах УНИДРУА относительно цифровых активов и частного права, в которых (с учетом принятых их авторами технологической и юрисдикционной нейтральности) цифровая / электронная запись (*electronic record*) определена как информация, которая хранится в электронном (в нашем случае – цифровом) носителе и способна к извлечению [из него], и такие записи делятся на две группы. В первую очередь выделяются записи, которые могут находиться «под контролем», понимая его как возможность оборотоспособных субъективных прав в отношении таких записей, и к этому виду записей отнесены цифровые активы (в первую очередь – криптовалюта). Вместе с тем, утверждается, что электронные [цифровые] записи не ограничиваются криптоактивами или системами, использующими блокчейн. В связи с этим, в число цифровых записей этого вида могут включаться и иные объекты имущества, существующие в цифровой форме, а кроме того, выделяется еще и второй вид цифровых записей - такие, в отношении которых у субъектов гражданского оборота не могут возникать имущественные права.¹⁶

2. Согласно пункту 1 комментируемой статьи цифровая запись представляет собой зафиксированную в цифровой форме информацию или сведения о такой информации, имеющие уникальные идентификационные характеристики, позволяющие установить содержание, источник, структуру или назначение записи.

Несмотря на кажущуюся тавтологию относительно того, что представляет собой цифровая запись («информацию» или «сведения об информации»), эта формулировка позволяет разделить цифровые записи,

¹⁶ См. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law: context, content, perspectives. Pp. 5 – 6, 45 – 53 and 171 – 178.

имеющие значение для идентификации, как правило, субъекта соответствующих правовых отношений (очевидно, что не только имущественных), и цифровые записи, которые собственно являются объектами гражданских прав (см. пункт 2 комментируемой статьи), установив для них отличающиеся правовые режимы.

3. В пункте 2 комментируемой статьи содержится классификация цифровых записей, разделяя их на два вида - идентификационные цифровые записи и правоудостоверяющие цифровые записи.

Идентификационные цифровые записи формируются и используются для цифровой идентификации личности они подлежат предоставлению, обработке и хранению уполномоченным законом субъектом, передаче и использованию в соответствии с нормами закона, и в нормальных условиях гражданского общества для доступа к ним или их передачи третьему лицу они требуют согласия лица, к которому такие данные относятся. Права лица, в отношении которого сформированы и существуют идентификационные цифровые записи, подлежат соблюдению и защите как его личные [неимущественные] права, охраняемые и регулируемые на основании статей 141 – 145 ГК и соответствующих норм Цифрового кодекса (см. статьи 13, 40, 41 и другие).

Идентификационные цифровые данные ни при каких условиях не могут быть объектами имущественных прав и предметами каких-либо гражданско-правовых сделок или иных гражданско-правовых отношений, кроме упомянутых отношений, направленных на соблюдение и защиту личных [неимущественных] прав гражданина. Самым распространённым видом идентификационных цифровых записей являются персональные данные гражданина.

В свою очередь, правоудостоверяющие цифровые записи могут выступать объектом права собственности и предметом разнообразных гражданско-правовых сделок, а также обращения взыскания на них по обязательствам их собственников. Информация, признаваемая правоудостоверяющей цифровой записью, является формой и воплощением существования имущественных прав в цифровой среде; изменение содержания такой информации влечет за собой изменение правообладателя (например, при передаче по сделке или в силу иного правопреемства) или объема/содержания (например, при обременении прав на имущество). Самыми известными видами имущества, существующими как правоудостоверяющие цифровые записи, является криптовалюта (необеспеченные цифровые активы), а также цифровые финансовые активы и национальная цифровая валюта.

4. В пункте 3 комментируемой статьи со всей однозначностью отражена правовая природа идентификационных цифровых записей, которая не позволяет использовать их в качестве объекта права собственности и иных вещных права, а также в качестве предмета

гражданско-правовых сделок и объекта обращения взыскания по обязательствам кого бы то ни было.

Не менее определенно установлено, что права лица, в отношении которого сформирована информационная цифровая запись, являются личными неимущественными правами, нематериальным благом, которое служит, в первую очередь, правомерным интересам этого лица. В связи с этим его права в отношении идентификационной цифровой записи охраняются и защищаются в соответствии со статьями 141 – 145 ГК и вышеуказанными статьями Цифрового кодекса.

В то же время формирование и использование идентификационных цифровых записей в отношении граждан также служит интересам публичного порядка (*ordre public*). В связи с этим предусматривается регулирование законом условий и порядка доступа к таким записям. Соответствующие нормы законодательства касаются также и их обработки, обеспечения их сохранности и использования, а за их нарушения в отношении уполномоченного на формирование и ведения таких идентификационных цифровых записей субъекта устанавливается юридическая ответственность публично-правового характера (административно-правовая или уголовная).

5. В пункте 4 комментируемой статьи на основе общего правила предыдущего пункта этой статьи устанавливается императивная норма, направленная на регулирование действий государственных органов Республики Казахстан по использованию предоставленных им персональных данных граждан. В частности, указанные действия государственных органов разрешены только при наличии оснований и в порядке, установленных законами Республики Казахстан. Никакой дискреции, иной свободы усмотрения, кроме того, что предписывается законом, по использованию государственными органами предоставленных им персональных данных не допускается.

Кроме того, в этом же пункте подчеркивается правовая природа идентификационных цифровых записей, которые ни при каких условиях не могут быть объектом имущественных прав кого бы то ни было, они не могут быть объектом права собственности, в том числе (согласно этому пункту) они не могут быть объектом государственной собственности - право собственности у государства на такие данные не может возникнуть.

Однако из этого правила предусматривается исключение, согласно которому могут быть случаи возникновения у государства права собственности на такие записи, если это прямо предусмотрено законами Республики Казахстан. Представляется, что такими случаями могут быть ситуации, когда государству потребуется дополнительная легитимация для истребования идентификационных записей из незаконного владения (контроля) третьих лиц или для иной защиты прав граждан и публичного интереса. Однако для таких законодательных установлений требуются

формирование добротной и обоснованной объективными данными частноправовой доктрины.

5. В пункте 5 комментируемой статьи определяются юридические последствия признания правоудостоверяющих цифровых записей объектами гражданских прав (относя их к категории субъективных имущественных прав). В связи с этим, с опорой на основополагающие нормы ГК закрепляется оборотоспособности правоудостоверяющих цифровых записей и уточняется, что субъекты соответствующего имущественного права вправе передавать, отчуждать и обременять такое принадлежащее им имущество, а также распоряжаться им иным образом. Эта норма позволяет использовать правоудостоверяющие цифровые записи в качестве предмета гражданско-правовых сделок, передавать их в порядке наследования по закону или по завещанию, либо иного правопреемства, обращаться на них взыскание.

Отдельно указывается, что особенности создания, использования, учета и оборота правоудостоверяющих цифровых записей устанавливаются законодательством Республики Казахстан о цифровых активах. Тем самым подчеркивается, что на данном этапе правовой режим правоудостоверяющих цифровых записей распространяется на цифровые активы, который подлежит более детальному определению в нормах законодательства о цифровых активах. В том числе банковским законодательством регламентируется правовой режим цифровых финансовых активов.

...

Глава 6. СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Статья 35. Цифровой кондоминиум

1. Цифровой кондоминиум - форма собственности, при которой осуществляются правомочия совместного владения, пользования и распоряжения распределенными цифровыми объектами, созданными и используемыми участниками на основе общих правил взаимодействия.

2. В состав цифрового кондоминиума входят:

1) индивидуальные цифровые объекты, принадлежащие участникам;
2) общие цифровые объекты, совместно используемые участниками для функционирования соответствующей инфраструктуры.

3. Участники владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащими им цифровыми объектами, а общие цифровые объекты используются в порядке, определенном соглашением или смарт-контрактом.

4. Управление общими цифровыми объектами осуществляется субъектами цифровой среды непосредственно либо через уполномоченное лицо, действующее на основании договора с участниками.

5. Права и обязанности участников определяются соглашением между ними или условиями смарт-контракта, удостоверяются цифровыми записями, подтверждающими участие и объем соответствующих правомочий.

6. Порядок создания, функционирования, учета и прекращения цифровых кондоминиумов определяется уполномоченным органом.

1. Содержание комментируемой статьи обусловлено общим для всех цифровых объектов признанием права собственности, других вещных и иных имущественных прав на них (см. статью 38 Цифрового кодекса), которые принадлежат различным субъектам цифровой среды, включая граждан, юридических лиц и государство (см. статью 36 Цифрового кодекса).

Соответственно, с учетом общих норм ГК, собственность на цифровые объекты может быть не только различных форм (частная, включая государственную, или публичная), но и разных видов (индивидуальная, общая совместная или общая долевая). В том числе ГК предусматривает и регулирует такую форму общей собственности на недвижимое имущество, как кондоминиум.

В частности, согласно пункту 6 статьи 209 ГК «собственность на недвижимое имущество может возникать в форме кондоминиума, при котором отдельные части недвижимости находятся в индивидуальной (раздельной) собственности граждан и (или) юридических лиц, а те части недвижимости, которые не находятся в раздельной собственности, принадлежат собственникам частей недвижимости на праве общей долевой собственности», а в соответствии со статьей 117 ГК уточняется применительно к жилым и нежилым помещениям, находящимся в составе объекта кондоминиума, что таковые признаются самостоятельными объектами (видами) недвижимости, если они находятся в индивидуальной (раздельной) собственности.

По аналогии с общей собственностью на недвижимое имущество, Цифровой кодекс предусматривает существование особой формы собственности в цифровой среде - цифрового кондоминиума в отношении такого вида цифровых объектов, как распределенные цифровые объекты (см. статью 26 Цифрового кодекса).

2. В пункте 1 комментируемой статьи содержится легальная дефиниция цифрового кондоминиума.

Цифровой кондоминиум определен формой собственности [только] в отношении распределенных цифровых объектов (см. статью 26 Цифрового кодекса). При этом в силу пункта 5 статьи 26 Цифрового кодекса распределенные цифровые объекты исключены из оборота, в связи с чем правомочие их собственника распоряжаться такими объектами ограничено законом.

В соответствии со статьей 26 Цифрового кодекса любой распределенный цифровой объект служит средством обеспечения согласованности, достоверности и целостности формируемых и передаваемых посредством него цифровых записей, каждая из которых

представляет собой самостоятельный цифровой объект, который принадлежит на праве собственности отдельному субъекту цифровой среды. Таким образом, существует неразрывная связь и обусловленность существования распределенного цифрового объекта и обращающихся посредством него (в нем, в рамках него) цифровых записей, а собственники цифровых записей органически заинтересованы в том, чтобы распределенный цифровой объект функционировал надлежащим образом и служил эффективности и безопасности осуществления их прав на цифровые записи. В связи с этим рассматриваемая легальная дефиниция предусматривает взаимодействие между участниками данного распределенного цифрового объекта (и в частности, установленного в отношении него кондоминиума) на основе совместно установленных ими правил.

Содержанием (и назначением) таких правил должно быть регулирование взаимодействия участников цифрового кондоминиума по поводу использования соответствующего распределенного цифрового объекта. С учетом пунктов 3 и 5 комментируемой статьи, такие правила взаимодействия участников кондоминиума могут устанавливаться их соглашением (как и присоединением новых участников кондоминиума к такому соглашению) или смарт-контрактом (см. комментарий к статье 67 Цифрового кодекса). При этом, соглашение применимо для определения прав и обязанностей по поддержанию и управлению общими цифровыми объектами в составе цифрового кондоминиума. В то время как смарт-контракт, как правило, применяется для передачи прав на индивидуальные цифровые объекты, принадлежащие участникам цифрового кондоминиума (в том числе для изменения состава участников цифрового кондоминиума посредством передачи принадлежащих его участникам индивидуальных цифровых объектов, что вполне определенно регулируется в пункте 5 Правил о цифровых кондоминиумах).¹⁷

В то же время, следует обратить внимание на то, что согласно пункту 5 указанных Правил упомянутые соглашение и смарт-контракт предусматриваются как альтернативные инструменты для этих целей. Более того, передача прав на индивидуальные цифровые объекты («изменение состава участников») допускается не только на основании смарт-контракта, но и в соответствии с соглашением. Однако, представляется, что при наличии смарт-контракта такая альтернативность является необоснованной (как и избыточным являлось бы такое регулирование, которым бы предусматривалась допустимость

¹⁷ Правила создания, функционирования, учета и прекращения цифровых кондоминиумов, утвержденные приказом Заместителя Премьер-Министра – Министра искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан от 2 июля 2026 г. № 373/НК, интерне-ресурс <http://insecure.zan.kz/rus/docs/V2600039225>.

одновременно двух этих оснований для передачи прав на цифровые объекты).

Когда используется соглашение (не смарт-контракт), то очевидным является то, что наиболее обоснованной формой такого соглашения должна быть цифровая [или электронная] форма, которая бы предусматривала автоматическое присоединение к нему любого нового участника цифрового кондоминиума (как и автоматическое прекращения его/ее участия в нем со сменой собственника индивидуального цифрового объекта в составе цифрового кондоминиума). По сути, в данном случае в большинстве ситуаций речь идет о блокчейне и обращающихся в нем криптоактивах, криптовалюте либо иных цифровых записях (имеющих в обороте иное назначение, но относящиеся к правовому положению или иным образом к области правомочий и обязанностей отдельных субъектов правовой среды).

В свою очередь, предусмотренная в пункте 5 Правил о цифровых кондоминиумах «обязательная фиксация в цифровой среде» изменений в составе участников цифрового кондоминиума (то есть, по сути и в подавляющем большинстве случаев, передачи прав на индивидуальный цифровой объект) при таких изменениях на основании смарт-контракта (да и вышеупомянутого соглашения участников цифрового кондоминиума) представляется не просто избыточной, но и вводящей в заблуждение: если и соглашение, и смарт-контракт являются инструментами цифровой среды, то они же должны служить инструментами фиксации изменений в составе участников цифрового кондоминиума (будь то контрактная передача прав или переход прав по иным правовым основаниям).

Ознакомление с Правилами о цифровом кондоминиуме позволяет сделать вывод о том, что может представлять собой способ такой фиксации в цифровой среде. Такая фиксация может означать формирование «записи в цифровой системе или смарт-контракте с указанием участников, распределенного цифрового объекта, содержания операции, даты и времени ее совершения», как указано в пункте 8 Правил о цифровых кондоминиумах, что является естественным следствием функционирования смарт-контракта при передаче с его использованием прав на цифровые объекты (а следовательно, не требует специальной оговорки об «обязательной фиксации в цифровой среде», содержащейся в указанном пункте 5 Правил).

Если же эта фиксация означает что-то иное, то речь может идти о предусмотренном в пунктах 10 – 12 Правил о цифровых кондоминиумах учете цифровых кондоминиумов уполномоченным государственным органом, который включает в себя, помимо прочего, фиксацию состава участников и фиксацию операций, совершаемых в рамках цифрового кондоминиума. Является ли такой учет способом именно фиксации в цифровой среде или средством государственного контроля в отношении цифровых кондоминиумов и поведения их участников, остается

недостаточно ясным. Обоснованность и эффективность такого регулирования покажет практика.

3. В пункте 2 комментируемой статьи определяется состав цифрового кондоминиума, указывая на распределение имущественных прав участников цифрового кондоминиума в отношении общего имущества кондоминиума и в отношении раздельной собственности участников кондоминиума на принадлежащую каждому из них цифровую запись.

С учетом пункта 4 комментируемой статьи, участниками цифрового кондоминиума являются только те лица, которые являются субъектами цифровой среды (см. комментарий к статье 36 Цифрового кодекса). Вместе с тем, из круга таких субъектов цифровой среды участниками цифрового кондоминиума могут быть только лица: (i) являющиеся владельцами цифровых записей (при децентрализованном распределенном цифровом объекте) либо такие владельцы и субъект, осуществляющий координацию, контроль, обеспечение функционирования или подтверждение операций участников (независимо от того, является последний также участником или нет) (в случае централизованно-распределенном цифровом объекте) (см. комментарий пункта 3 статьи 26 Цифрового кодекса), и при этом (ii) обладающими правомочиями собственности в отношении принадлежащих им индивидуальных цифровых объектов, входящих в состав цифрового кондоминиума (согласно статье 38 Цифрового кодекса).

4. Каждая цифровая запись в распределенном цифровом объекте является объектом права собственности, принадлежащим собственнику этой цифровой записи. Такая отдельная цифровая запись является движимым имуществом в качестве частного (не публичного) имущественного (или в более широком экономическом смысле) экономического блага, которое в качестве объекта гражданских прав принадлежит соответствующему участнику цифрового кондоминиума (одновременно являющемуся пользователем и выгодополучателем от существования и функционирования данного распределенного цифрового объекта).

Субъективное имущественное право участника цифрового кондоминиума подлежит защите в соответствии с нормами ГК как право частной собственности данного участника цифрового кондоминиума на соответствующую цифровую запись.

Кроме того, поскольку такая цифровая запись может содержать информацию, составляющую охраняемую законом тайну, права владельца этой цифровой записи могут подлежать правовой защите как личное [неимущественное] право данного участника цифрового кондоминиума.

5. В свою очередь, все участники цифрового кондоминиума являются субъектами общей собственности в отношении тех цифровых объектов, которые входят в состав распределенного цифрового объекта, но являются необходимыми для обеспечения надлежащего функционирования этого

распределенного цифрового объекта как инфраструктуры для передачи прав на индивидуальные цифровые объекты, принадлежащие участникам данного цифрового кондоминиума. Во всяком случае, обоснованность общей собственности на общие цифровые объекты не вызывает сомнений, когда речь идет о децентрализованных распределенных цифровых объектах. В случае централизованно-распределенных цифровых объектов законодательство или соглашение участников цифрового кондоминиума может закреплять их принадлежность только субъекту, который осуществляет координацию, контроль, обеспечение функционирования или подтверждение операций участников.

То, что является общими цифровыми объектами, а что может находиться (с учетом норм Цифрового кодекса и других законодательных актов) в собственности участника цифрового кондоминиума, подлежит определению в общих правилах взаимодействия участников данного цифрового кондоминиума.

В отличие от того, что в ГК определяется общая долевая собственность в отношении общего имущества кондоминиума, Цифровой кодекс не определяет вида собственности вообще и вида общей собственности в частности в отношении упомянутых общих цифровых объектов.

Разработчики Цифрового кодекса исходили из того, что практика подскажет наиболее эффективное содержание правового регулирования этого вопроса, а на данном этапе более целесообразным определено оставить решение этого вопроса на усмотрение участников цифрового кондоминиума для его регламентации в общих правилах их взаимодействия.

Тем не менее, очевидно, что наиболее целесообразным является обеспечение безусловного равноправия участников цифрового кондоминиума, для чего наиболее подходящей является общая совместная собственность, не позволяющая никому из участников получить какие-то дополнительные механизмы контроля в отношении распределенного цифрового объекта и за счет этого иметь преимущества перед другими участниками, ограничивая эффективность осуществления ими права собственника в отношении принадлежащего им имущества.

Право общей собственности у каждого участника возникает автоматически с приобретением права индивидуальной частной собственности на обращающуюся в рамках распределенного цифрового объекта цифровую запись и также автоматически прекращается с момента отчуждения этой цифровой записи в пользу третьего лица.

6. В пункте 3 комментируемой статьи уточняются основания и условия осуществления имущественных прав участников кондоминиума.

В частности, подчеркивается, что участники кондоминиума наслаждаются всей полнотой правомочий собственника (определяемых в статье 188 ГК) в отношении принадлежащих им цифровых записей,

входящих в состав цифрового кондоминиума в качестве индивидуальных цифровых объектов. Основаниями для приобретения права собственности и условия осуществления права собственности на индивидуальные цифровые объекты в составе цифрового кондоминиума регулируются гражданским законодательством. В пунктах 6 – 8 Правил о цифровых кондоминиумах регулируются основания и порядок проведения операций (то есть сделок) с цифровыми объектами в цифровой системе или смарт-контракте, а также оформление их завершения.

В свою очередь, использование общих цифровых объектов в составе цифрового кондоминиума регулируется правилами взаимодействия (как указано в пункте 1 комментируемой статьи), подлежащими определению (в зависимости от того, касается это управления общими объектами или осуществления операций в отношении индивидуальных цифровых объектов) в соглашении участников данного цифрового кондоминиума или соответствующем смарт-контракте (см. пункт 2 комментария настоящей статьи).

7. Содержанием **пункта 4 комментируемой статьи** акцентируется на том, что общие цифровые объекты в составе цифрового кондоминиума не просто являются объектами общей собственности, но требуют осуществления в отношении них регулярной функции управления.

Управление общими цифровыми объектами в составе цифрового кондоминиума имеет своей целью поддержание их надлежащего функционирования с тем, чтобы обращение посредством него цифровых записей (как индивидуальные цифровых объектов) и осуществление в отношении них права частной собственности участников цифрового кондоминиума было беспрепятственным и эффективным.

Комментируемый пункт допускает два способа управления общими цифровыми объектами в цифровом кондоминиуме.

Первый способ предполагает такое управление самими субъектами цифровой среды, прежде всего – участниками цифрового кондоминиума.

Другим способом управления цифровым кондоминиумом предусматривается управление сторонним лицом на основании договора. Это может быть договор управления или договор доверительного управления цифровым кондоминиумом.

Содержание комментируемого пункта предполагает, что выбор способа управления цифровым кондоминиумом относится к области полномочий участников данного цифрового кондоминиума, которые вправе выбрать самостоятельное коллективное управление общими цифровыми объектами их цифрового кондоминиума либо передать их в управление третьему лицу по договору. Лицо, на которое возлагаются эти функции по договору, является уполномоченным на такое управление лицом, чьи полномочия основываются на договоре.

Аналогичное регулирование без дальнейшей детализации содержится в пункте 9 Правил о цифровых кондоминиумах.

8. Пункт 5 комментируемой статьи предусматривает, что права и обязанности участников цифрового кондоминиума определяются соглашением между ними или условиями смарт-контракта, удостоверяются цифровыми записями, подтверждающими участие и объем соответствующих правомочий.

В данном случае данная норма касается двух категорий прав и обязанностей участников цифрового кондоминиума. В частности, их права и обязанности в отношении общих цифровых объектов подлежат регламентации в правилах взаимодействия, существующих в форме соглашения между участниками цифрового кондоминиума.

В свою очередь содержание и объем прав и обязанностей каждого собственника индивидуальных цифровых объектов в составе цифрового кондоминиума, как и их передача посредством данного распределенного цифрового объекта, регулируются и осуществляются посредством смарт-контракта.

9. Согласно пункту 6 комментируемой статьи, порядок создания, функционирования, учета и прекращения цифровых кондоминиумов определяется уполномоченным органом.

Содержание этой нормы не требует комментариев. В соответствии с ней были приняты действующие Правила создания, функционирования, учета и прекращения цифровых кондоминиумов, утвержденные приказом Заместителя Премьер-Министра – Министра искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан от 2 июля 2026 г. № 373/НҚ (Правил о цифровых кондоминиумах).

Однако, следует иметь ввиду, что прекращение цифрового кондоминиума не обязательно может означать прекращение имущественных и/или личных прав участников прекращенного кондоминиума на индивидуальные цифровые объекты (что отражено и в пункте 14 Правил о цифровых кондоминиумах).

...

РАЗДЕЛ 3. СУБЪЕКТЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Глава 7. СУБЪЕКТЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ, ИХ ВИДЫ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Статья 36. Виды субъектов цифровой среды

1. Субъектами цифровой среды признаются физические и юридические лица, включая государственные органы и организации, обладающие цифровой идентичностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан, в том числе:

1) субъекты цифровых данных;

2) собственники и (или) владельцы цифровых объектов;
3) пользователи цифровых объектов;
4) иные субъекты цифровой среды, определенные настоящим Кодексом и иными законами Республики Казахстан.

2. Права и обязанности субъектов цифровой среды определяются в соответствии с настоящим Кодексом и законами Республики Казахстан.

1. Сфера гражданских правоотношений, включая цифровую среду, является областью регулируемых законом общественных отношений, то есть взаимодействия субъектов права по поводу создания, использования и обращения объектов гражданских прав. Согласно пункту 1 статьи 1 ГК, субъектами гражданско-правовых отношений названы физические и юридические лица, государство и административно-территориальные единицы.

Пункт 1 комментируемой статьи также определяет физических и юридических лиц в качестве субъектов цифровой среды. Это в полной мере соответствует нормам ГК.

Одновременно, комментируемая статья признает субъектами цифровой среды государственные органы и другие организации, которые должны обладать правосубъектностью (ибо этот пункт включает государственные органы и организации в объем понятия «юридические лица»).

Очевидно, что эта норма нуждается в совершенствовании и приведение в соответствие с положениями ГК, ибо неправосубъектные лица не могут принимать на себя права и нести обязанности, однако некоторые неправосубъектные организации могут признаваться субъектами цифровой среды (как они участвуют в гражданском обороте в принципе).

В частности, в гражданском обороте участвуют организации, не являющиеся физическим или юридическим лицом, например, простое товарищество (статья 228 ГК) или консорциум (статья 233 ГК). Они не обладают правосубъектностью, но участвуют в обороте; их дела ведутся совместно участниками договора о совместной деятельности или консорциума, а в обороте представляются согласно тому, как этот вопрос регулируется в таком договоре. При соответствии требованиям Цифрового кодекса (то есть при получении цифровой идентичности такой организации) они также могут признаваться субъектами цифровой среды.

Говоря о государственных органах как субъектах цифровой среды, комментируемая статья имеет в виду государство Республики Казахстан, которое в обороте представляется уполномоченными государственными органами. За деятельность и результаты деятельности уполномоченных государственных органов имущественную ответственность несет государство, отвечая по обязательствам (включая исполнение договорных

и внедоговорным обязательств) средствами государственной казны.¹⁸ В то же время, именно в качестве субъекта цифровой среды (продолжая представлять государство и обеспечивать исполнение государственных функций) уполномоченные государственные органы исполняют определенные полномочия и исполняя обязанности, которые не могут осуществлять / исполнять другие государственные органы.

Таким образом, для участия в цифровой среде, получения предлагаемых ею выгод субъект гражданского оборота должен соответствовать критерию субъекта цифровой среды. Таким критерием комментируемая статья называет обладание цифровой идентичностью (см. пункт 1 статьи 40 Цифрового кодекса).

И если возможность иметь цифровую идентичность для любого субъекта гражданских правоотношений, являющегося гражданином или юридическим лицом, очевидна и неоспорима, то цифровая идентичность государственного органа означает, что в цифровой среде государство выступает только в лице такого государственного органа. Это же верно для местных государственных органов, которые могут иметь цифровую идентичность для представления в цифровой среде соответствующей административно-территориальной единицы.

2. В пункте 1 комментируемой статьи содержится классификация субъектов цифровой среды в зависимости от особенностей правового статуса (то есть содержания и объема, а также соотношения их прав и обязанностей). Эта классификация является открытой, допуская признание других групп (видов) субъектов цифровой среды нормами самого Цифрового кодекса или иных законов Республики Казахстан.

На данный момент комментируемая статья выделяет следующие три группы (вида) субъектов цифровой среды, легальные дефиниции и основы правового статуса которых определяются последующими статьями Цифрового кодекса:

(i) субъекты цифровых данных (см. комментарий к статье 37 Цифрового кодекса);

(ii) собственники и (или) владельцы цифровых объектов (см. комментарий к статье 38 Цифрового кодекса);

(iii) пользователи цифровых объектов (см. комментарий к статье 39 Цифрового кодекса).

В зависимости от принадлежности к той или иной группе (виду) субъектов цифровой среды отличаются допустимые средства правовой защиты прав таких субъектов. В частности, субъектами цифровых данных

¹⁸ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В трех книгах. Книга 1. С. 848 - 877 (комментарий статей 111. – 114 ГК); Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В четырех книгах. Книга 3. Статьи 178 - 258. Издание четвертое, исправленное и дополненное, с использованием судебной практики. / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2022. – 432 с. С. 56 – 66 (комментарий статьи 192 ГК)

являются лица, которым цифровая среда создает возможности и условия для их цифровой идентификации, а их права защищаются в соответствии с ГК как личные [неимущественные] права.

В свою очередь, права собственников и владельцев цифровых объектов относятся к имущественным правам, подлежащим защите вещно-правовыми средствами (не исключая и других способов правовой защиты, предусмотренных, в частности, в статье 9 ГК). Одновременно, для них предусмотренные дополнительные обязанности по соблюдению прав и законных интересов других субъектов цифровой среды, в первую очередь – субъектов цифровых данных, для обслуживания потребностей которых и функционируют / используются соответствующие цифровые объекты).

Отдельно регулируется правовой статус пользователей цифровых объектов, для которых обеспечивается доступ к соответствующим цифровым объектам для их использования в удовлетворение разнообразных потребностей таких пользователей, в связи с чем правовое положение которых включает в себя не только право доступа и использования соответствующих цифровых объектов, но и связанные с таким использованием обязанности. Права пользователей цифровых объектов защищаются способами правовой защиты, не относящимися к способам защиты права собственности и иным вещно-правовым средствам защиты.

3. В пункте 2 комментируемой статьи устанавливается, что права и обязанности субъектов цифровой среды определяются в соответствии с настоящим Кодексом и законами Республики Казахстан. В данном случае имеется ввиду установление таких прав и обязанностей, которые являются специфически присущими цифровой среде.

Например, в пункте 2 статьи 38 Цифрового кодекса предусмотрены обязанности собственников и владельцев цифровых объектов, относящиеся к защите персональных данных и конфиденциальной информации, а также принятию мер по предотвращению неправомерного доступа, копирования, изменения или удаления цифровых данных и цифровых объектов. В свою очередь, статья 39 Цифрового кодекса является примером установления и прав, и обязанностей субъектов цифровой среды, относящихся к группе (виду) пользователей цифровых объектов, содержание этой статьи направлено как на создание условий для реализации правомерных интересов таких пользователей, так и на обеспечение их добросовестного и ответственного поведения.

...

Статья 38. Собственники и (или) владельцы цифровых объектов

1. Собственники и (или) владельцы цифровых объектов обладают правом собственности или иными правами, предусмотренными законами Республики Казахстан и условиями договора в отношении таких цифровых объектов.

2. Собственник и (или) владелец цифрового объекта обязаны:
- 1) соблюдать права, свободы и законные интересы третьих лиц, включая требования по защите персональных данных и конфиденциальной информации;
 - 2) принимать меры по предотвращению неправомерного доступа, копирования, изменения или удаления цифровых данных и цифровых объектов;
 - 3) выполнять иные обязанности, установленные настоящим Кодексом и законами Республики Казахстан.
3. Передача прав на цифровые объекты осуществляется на основаниях и в порядке, предусмотренных Гражданским кодексом Республики Казахстан, настоящим Кодексом и условиями договора.
4. Собственник и (или) владелец цифрового объекта несут ответственность за вред, причиненный вследствие их неправомерных действий (бездействия) при создании, использовании или распоряжении цифровым объектом, в случаях и пределах, установленных законами Республики Казахстан.

1. Цифровой кодекс признает цифровые объекты объектами вещных прав, в частности, права собственности, а также объектами владения, безотносительно того, являются ли цифровые объекты вещами, сложными вещами, имущественным комплексом, либо результатом творческой деятельности или иным нематериальным объектом. Это является новеллой в казахстанском праве, законодательным закреплением которой разработчики Цифрового кодекса преследовали две цели: (i) обеспечить эффективность имущественного оборота в цифровой среде и качество защиты имущественных прав в отношении цифровых объектов, а также (ii) стимулировать скорейшую модернизацию и окончательную десоветизацию ГК (комплексную рекодификацию казахстанского права), в том числе в том, чтобы привести понятие права собственности к действующей в развитых правовых системах иной триаде правомочий собственника (*usus, fructus, abusus*),¹⁹ исключающей правомочие владения в отношении вещей и тем самым позволяющей более высокую функциональность и адекватность правового регулирования отношений собственности.*

[*Исходя из потребностей современной экономики (*new economy*) и необходимости защищать права на нематериальные активы на основе издревле признававшихся за собственниками правомочий субъекта получать выгоды от того, что они ему принадлежат (*right to enjoy*), и отчуждать их в своем интересе (*right to dispose*), на том же уровне и теми же средствами, как право собственности на вещи.²⁰

Такой подход в полной мере соответствует принципам УНИДРУА, в соответствии с которыми (хотя и признается, что цифровые товары или активы в существенной части состоят из цифровых записей либо структурированных блоков информации в цифровой форме) современный подход в правовом регулировании цифровой среды основан на том, что создание и использование цифровых активов признается как оборот движимого или личного

¹⁹ Property Law. Cases, Materials and Text. S. van Erp. and B. Akkermann, eds. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012. – 1170 p. P. 212 - 214.

²⁰ См. Iudica G. and Zatti P. Language and Rules of Italian Private Law. Fifth edition. Wolters Kluwer Italia / CEDAM, 2024. 281 p. P. 81.

имущества в качестве частного (в противопоставлении публичному) имущества / товаров (а термин «товар» используется в более широком экономическом смысле).^{21]}

С учетом вышеизложенного, в пункте 1 комментируемой статьи непосредственно признается, что цифровые объекты признаются объектами права собственности и других вещных или иных имущественных прав, предусмотренных законами Республики Казахстан, а также они могут быть объектами владения по законодательству Республики Казахстан.

Право собственности, другие вещные права, а также иные имущественные и личные права (обязательственные права, право интеллектуальной собственности, право на возмещение ущерба и другие) регулируются гражданским законодательством на основе, и прежде всего, норм ГК, которые применимы к правам на цифровые объекты.

Комментируемая норма также указывает на договор как основание и источник регулирования имущественных отношений между субъектами цифровой среды по поводу цифровых объектов. Это в полной мере соответствует нормам ГК, в соответствии с которыми договор является одним из оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав, а также средством правовой передачи имущественных прав на цифровые объекты.

2. В статье 8 ГК устанавливаются основополагающие правила, относящиеся к условиям осуществления гражданских прав. Поскольку цифровая среда является областью гражданско-правовых отношений, эти нормы ГК в полной мере относятся к осуществлению вещных, обязательственных и иных гражданских прав на цифровые объекты, включая, без ограничений, право собственности на них.

Вместе с тем, с учетом того, что цифровая среда формируется вследствие появления и обращения цифровых данных и цифровых записей, а в связи с этим Цифровой кодекс обеспечивает правовую охрану цифровой идентичности и иных личных прав субъектов цифровой среды (в том числе на основе принципов цифрового законодательства, закреплённых в статьях 4 – 13 Цифрового кодекса), пункт 2 комментируемой статьи специально оговаривает дополнительные обязанности любого собственника или владельца любого цифрового объекта.

В частности, не допускается использование цифровых объектов их собственниками и владельцами для ограничения, нарушения или создания любых иных препятствий осуществлению участниками гражданского оборота прав, свобод и законных интересов; собственники и владельцы цифровых объектов обязаны соблюдать права, свободы и законные интересы третьих лиц в отношении персональных данных и

²¹ UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law: context, content, perspectives. Carmen Pastor Sempere and David Amable Morán Bovio, Eds. Springer, 2026. 653 p. P. 55.

конфиденциальной информации. Более того, они обязаны выполнять требования третьих лиц по защите относящихся к этим третьим лицам персональных данных и конфиденциальной информации.

Отдельно на собственников и владельце цифровых объектов (каждого из них и в отношении каждого отдельного цифрового объекта) нормами комментируемой статьи закрепляется обязанность принимать меры по предотвращению неправомерного доступа, копирования, изменения или удаления цифровых данных и цифровых объектов. Кроме того, предусматривается, что Цифровым кодексом и другими законами Республики Казахстан в отношении них могут быть предусмотрены и иные обязанности.

Поскольку все обязанности подлежат исполнению субъектами гражданско-правовых отношений (собственниками и владельцами цифровых объектов), причинение вреда вследствие нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения) этих обязанностей является основанием для возникновения внедоговорных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда (как предусмотрено в пункте 4 комментируемой статьи), но также и в следствие неосновательного обогащения или сбережения чужого имущества), согласно статьям 7 и 953 – 960 ГК.

3. Поскольку цифровая среда относится к сфере частноправового оборота, а цифровые объекты являются объектами гражданских прав, то по общему правилу статьи 116 ГК они обладают обороноспособностью. Это означает, что цифровые объекты могут свободно обращаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального либо сингулярного правопреемства или иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте.

В условиях рыночной экономики, включая такой ее сегмент, как цифровая экономика, наиболее распространённым проявлением оборотоспособности объектов гражданских прав является их контрактная или иная (например, при осуществлении вклада в уставный капитал юридического лица) передача.

С учетом изложенного, **пункт 3 комментируемой статьи** предусматривает договор как одно из (но не единственное возможное) оснований передачи цифровых объектов, а также отсылает к нормам ГК и Цифрового кодекса как правовую основу для передачи прав на цифровые объекты.

В целом, понятие передачи цифровых объектов в Цифровом кодексе следует понимать в его общепринятом юридическом значении, которое, к примеру (и применительно к цифровым активам, в частности), определяется в Принципах УНИДРУА относительно частноправового регулирования обращения цифровых активов: оно означает смену субъекта (обладателя) имущественных прав в отношении цифровых объектов с

одного лица на другое лицо и включает в себя приобретение имущественных прав на цифровые объекты, а также обременение этих прав (когда цифровые объекты используются в качестве предмета сделок, совершаемых в обеспечение исполнения обязательств).²²

При этом Цифровой кодекс содержит нормы, ограничивающие оборот некоторых видов цифровых объектов. Например, согласно пункту 5 статьи 26 Цифрового кодекса распределенные цифровые объекты являются объектами совместного владения, исключенными из оборота.

Кроме того, особенности (ограничения оборотоспособности) некоторых видов цифровых объектов могут иметь место в связи с признанием за ними статуса объектов публичного интереса. Например, пункт 3 статьи 34 Цифрового кодекса признает национальные цифровые объекты объектами публичного интереса (то есть существующими и функционирующими как всеобщее благо, для общего пользования всеми заинтересованными сторонами, для удовлетворения общих потребностей). В качестве таковых они не подлежат отчуждению, передаче в залог, установлению в отношении них обременений или имущественных притязаний, а также взысканию по обязательствам владельцев или иных лиц, за исключением случаев, прямо предусмотренных законами Республики Казахстан.

4. Содержание пункта 4 комментируемой статьи является продолжением и дополнением содержания пункта 2 этой же статьи, обеспечивая соблюдение установленных в ней требований относительно обязанностей собственников и владельцев цифровых объектов по соблюдению прав и законных интересов третьих лиц, использующих принадлежащие им цифровые объекты.

В частности, предусматривается, что любой собственник или владелец любого цифрового объекта несет ответственность за вред, причиненный вследствие их неправомерных действий (бездействия) при создании, использовании или распоряжении цифровым объектом, в случаях и пределах, установленных законами Республики Казахстан.

Это обусловлено тем, что поскольку все обязанности подлежат исполнению субъектами гражданско-правовых отношений (собственниками и владельцами цифровых объектов), причинение вреда вследствие нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения) этих обязанностей является основанием для возникновения внедоговорных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда согласно статьям 7 и 917 – 952 ГК.

Особо следует обратить внимание на то, что комментируемая норма предусматривает наступление упомянутой внедоговорной ответственности собственников и владельцев цифровых активов за вред, причиненный (как

²² См. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law: context, content, perspectives. P. 171.

и за неосновательное обогащение, сбережение чужого имущества) как в результате их активных действий, так и вследствие их бездействия.

...

Глава 8. ОСНОВНЫЕ ПРАВА СУБЪЕКТА ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Статья 40. Право на цифровую идентичность и ее защиту

1. Цифровая идентичность - совокупность цифровых записей, позволяющих установить или подтвердить принадлежность цифровых действий, прав или объектов конкретному субъекту цифровой среды. Цифровая идентичность подлежит защите как личное неимущественное благо.

2. Никто не может быть принужден к цифровой идентификации, за исключением случаев, когда такая обязанность прямо предусмотрена законами Республики Казахстан.

3. Участие во взаимоотношениях в цифровой среде без идентификации допускается только в отношении услуг и действий, которые не влекут возникновения прав и обязанностей, реализация которых требует идентификации.

4. При отсутствии возможности цифровой идентификации субъект цифровой среды вправе получать государственные и иные предусмотренные законами Республики Казахстан услуги при условии прохождения идентификации иным способом, установленным законодательством Республики Казахстан.

5. Государство обеспечивает защиту цифровой идентичности от незаконного доступа к цифровым записям, позволяющим идентифицировать субъектов цифровой среды без их согласия.

1. В пункте 1 комментируемой статьи содержится легальная дефиниция цифровой идентичности субъекта гражданского оборота (сферы общественных отношений с участием этого субъекта). Идентичность в данном случае понимается как формируемое посредством цифровых записей представление любых сторонних лиц о субъекте, его/ее некоторых личностных характеристиках (например, об особенностях физического или психического здоровья, душевного состояния), а также социальной, гендерной, культурной и национальной принадлежности.

Включение комментируемой статьи в состав Цифрового кодекса, а также ее содержание обусловлены определением в Конституции Республики Казахстан человека, его жизни, прав и свобод в качестве высших ценностей государства, а также закреплением в ней таких прав человека и конституционных гарантий, как неприкосновенность чести и достоинства, их судебную защиту, право на личную и семейную тайну, защиту иной охраняемой законом тайны, на указание или неуказание национальной принадлежности, неприкосновенность частной жизни, запрет на унижающее человеческое достоинство обращение и другие.

В продолжение этих конституционных положений пункт 1 этой статьи закрепляет важное установление о том, что цифровая идентичность подлежит защите как личное [неимущественное] право гражданина. Эта норма относится к защите цифровой идентичности физических лиц.

При этом, содержащаяся в комментируемой статье дефиниция цифровой идентичности имеет более широкий объем, относя к ней любую содержащуюся в цифровых записях информацию о субъекте, его действиях и принадлежности ему каких-либо объектов гражданских прав, включая и цифровые объекты (но не ограничиваясь ими). Содержание цифровой идентичности включает в себя любые сведения о субъекте, его действиях, которые составляют охраняемую законом тайну, как, например, тайна усыновления/удочерения, тайна завещания, коммерческая тайна, банковская тайна, тайна информации на рынке капиталов и страхования, персональные данные и другие подобные сведения. В связи с этим цифровая идентичность и право на цифровую идентичность признаются не только за гражданами, но и за юридическими лицами.

Права юридического лица (как и индивидуальных предпринимателей) на защиту своей цифровой идентичности реализуются на основании норм ГК (в вопросах возмещения вреда, причиненного незаконным доступом к цифровой идентичности организации и/или ее неправомерного использования) и отдельных законов, относящихся к режиму защищаемой информации (как банковская тайна, коммерческая тайна, инсайдерская информация и другие охраняемые сведения).

Содержащаяся в пункте 1 комментируемой статьи легальная дефиниция отличается формальностью, поскольку цифровая идентичность определяется как совокупность оформляющих ее цифровых записей о субъекте и его активности. Это позволяет более эффективно и достоверно выявить неправомерность действий в отношении цифровой идентичности и обеспечить ее правовую защиту, поскольку критерием нарушения является неправомерный доступ к цифровым записям или неправомерное обращение с ними. Конечно же, отдельно потребуются обоснование того, что удостоверяемая этими цифровыми записями информация признается охраняемой законом тайной.

2. В пункте 2 комментируемой статьи закрепляется законодательная гарантия недопустимости принуждения лица к цифровой идентификации (по сути – запрет на такое принуждение). Это означает, что участие лица в имущественном обороте и в гражданских отношениях в целом не может обуславливаться обязательной цифровой идентификацией, а в тех случаях, когда участие в общественных отношениях (и тем более приобретение и осуществление гражданских прав, исполнение гражданских обязанностей) обуславливается цифровой идентификацией, не желающему ее лицу должны быть предоставлены сопоставимые альтернативы, использование которых во всех подобных и аналогичных ситуациях обеспечивает данному лицу одинаковые условия и равные возможности с теми субъектами, кто применяет свою цифровую идентификацию.

Тем не менее комментируемый пункт 2 допускает, что законами может быть предусмотрена обязательная цифровая идентификация. Как правило,

она может иметь место в тех областях общественных отношений, где применяется законодательство, основанное на иных принципах, чем основные начала гражданского законодательства (см. статью 2 ГК).

3. Одним из исключений из правила о недопустимости принуждения к цифровой идентификации, закрепленного в пункте 2 комментируемой статьи, является **пункт 3 комментируемой статьи**, в соответствии с которым цифровая идентификация для участия лица общественных отношениях, складывающихся в цифровой среде, является правилом.

Так, в отношении некоторых услуг (в том числе государственных), а также действий, которые не влекут возникновения [гражданских] прав и обязанностей, осуществление / исполнение которых невозможно без цифровой идентификации, таковая не является обязательной. Например, когда, получение государственной услуги возможно без применения электронно-цифровой подписи, субъект может использовать иные инструменты доступа и получения такой услуги, не прибегая к цифровой идентификации. Вместе с тем, следует понимать, что с развитием цифровой среды участие в ней без цифровой идентификации станет практически невозможным.

4. **Пункт 4 комментируемой статьи**, в дополнение к установленному в пункте 2 комментируемой статьи общему правилу о недопустимости принуждения к цифровой идентификации, регулирует ситуации, когда цифровая идентификация невозможна в силу объективных обстоятельств (в число которых следует включать и объективные обстоятельства для любого отдельного субъекта, например, его физическое состояние).

В сущности же, это положение пункта 4 также предусматривает обязательность наличия альтернативы цифровой идентификации и предоставления субъекту возможности воспользоваться ею, чтобы идентифицировать себя либо надлежащим образом осуществить свои права / должным образом исполнить свои обязанности.

При этом альтернативные способы идентификации, осуществления действий и осуществления прав / исполнения обязанностей должны регулироваться законодательством. То есть это обязанностью законодателя предусмотреть такие альтернативы, обеспечивая конституционные гарантии равенства и равных возможностей для всех.

5. С учетом признания цифровой идентичности личным [неимущественным] благом, подлежащим правовой защите, **пункт 5 комментируемой статьи** непосредственно закрепляет законодательную гарантию того, что государство обеспечивает защиту цифровой идентичности от незаконного доступа к цифровым записям, позволяющим идентифицировать субъектов цифровой среды без их согласия. Эта законодательная гарантия реализуется посредством установления соответствующих законодательных требований и процедур доступа к цифровым записям, а также возможностью принуждения к соблюдению

этих законодательных норм посредством административных процедур и системы правосудия, как и судебной защитой нарушенных гражданских прав.

...

РАЗДЕЛ 4. ПРАВООТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Глава 9. ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Статья 44. Возникновение, осуществление и прекращение прав в цифровой среде

1. Основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений в цифровой среде являются юридически значимые факты, выраженные в цифровых записях.

2. Правоотношения в цифровой среде возникают в силу создания, получения или использования цифровых объектов и совершения действий, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

3. Возникшие в цифровой среде правоотношения осуществляются с использованием цифровых технологий, обеспечивающих идентификацию участников, подтверждение их волеизъявления и фиксацию юридически значимых фактов.

4. Прекращение правоотношений в цифровой среде наступает в результате исполнения обязательств, утраты цифрового объекта, истечения срока действия права либо иных юридически значимых фактов, установленных настоящим Кодексом, иными законами Республики Казахстан или договором.

1. Согласно пункту 1 статьи 1 Цифрового кодекса, цифровая среда является областью частноправового оборота (гражданско-правовых отношений), складывающихся по поводу создания и использования цифровых объектов, их передачи посредством цифровых технологий и инфраструктуры цифровой среды (по сути, с использованием отдельных видов цифровых объектов). Таким образом, цифровая среда представляет собой область обращения особого рода объектов гражданских прав (как личных, так и имущественных) с использованием других объектов гражданских прав, но и те и другие из упомянутых объектов являются цифровыми объектами (см. статью 20 Цифрового кодекса).

Пункт 1 комментируемой статьи следует понимать как общее правило о том, что включение объекта в оборот в рамках цифровой среды и допуск лица к участию в обороте в рамках цифровой среды осуществляются формированием соответствующей цифровой записи, направленной на цифровую идентификацию лица или признания прав на имущество в качестве цифрового объекта. Формирование таких цифровых записей является результатом целенаправленных действий уполномоченных на их совершение субъектов цифровой среды.

Согласно комментируемой норме Цифрового кодекса права и обязанности в цифровой среде возникают, изменяются и прекращаются

только в результате действий, направленных на создание цифровой записи или изменение ее содержания. Пока не создана какая-то цифровая запись, никаких прав и обязанностей по поводу любого цифрового объекта не может считаться возникшими.

С момента, когда соответствующая цифровая запись сформирована, возникают соответствующие права и обязанности вовлеченных лиц, то есть соответствующие правоотношения в цифровой среде.

2. Согласно пункту 2 комментируемой статьи, правоотношения в цифровой среде возникают в силу создания, получения или использования цифровых объектов и совершения действий, а также в иных случаях, предусмотренных Цифровым кодексом.

Эту норму следует понимать как то, что правоотношения в цифровой среде регулируются нормами Цифрового кодекса, а оборот цифровых объектов с момента их создания обусловлен совершением целенаправленных действий в отношении них, регулируемых нормами Цифрового кодекса

В то же время, следует помнить, что цифровые объекты являются объектами гражданских права. В связи с этим гражданские права на цифровые объекты (в зависимости от их вида - личные и(или) имущественные права), возникают, изменяются и прекращаются по основаниям, предусмотренным в статье 7 ГК, но с учетом особенностей, предусмотренных в Цифровом кодексе. Это непосредственно следует из пункта 2 статьи 1 Цифрового кодекса, согласно которому «имущественные и иные гражданско-правовые отношения, возникающие в цифровой среде, регулируются гражданским законодательством Республики Казахстан с учетом особенностей, установленных настоящим Кодексом».

Например, некоторые цифровые объекты являются объектами права интеллектуальной собственности (в частности, программное обеспечение) или движимыми и недвижимыми вещами в составе комплексных цифровых объектов (как, центры обработки данных). В отношении них применяются нормы ГК относительно определения момента возникновения соответствующих гражданских прав и обязанностей, но с учетом того, что предписывает Цифровой кодекс (в частности, пункт 1 комментируемой статьи) относительно их допуска к обращению в цифровой среде – необходимость формирования первоначальной цифровой записи о правах в отношении них.

3. Пункт 3 комментируемой статьи содержит норму, развивающую содержание пункта 1 комментируемой статьи (как и пункта 1 статьи 1 Цифрового кодекса): цифровая среда формируется и функционирует только с использованием цифровых технологий. При этом, участие в цифровой среде не может быть полностью анонимным (во всяком случае, допускаемая Цифровым кодексом анонимизация и даже использование псевдонима может иметь в цифровой среде очень ограниченный эффект),

поскольку комментируемой нормой требуется, чтобы используемые в цифровой среде цифровые технологии обеспечивали идентификацию ее участников.

Особое требование к используемым цифровым технологиям, согласно которым они должны обеспечивать подтверждение их волеизъявления и фиксацию юридически значимых фактов, направлено на то, чтобы обеспечить твердость и достоверность гражданского оборота в цифровой среде. Это требование является также краеугольным для допуска цифровых технологий к использованию в цифровой среде (в том числе, их сертификации и вводу в промышленное использование).

4. В пункте 4 комментируемой статьи содержится неисчерпывающий перечень оснований прекращения гражданских прав и обязанностей в отношении или по поводу цифровых объектов. Своим содержанием он детализирует норму пункта 2 статьи 1 Цифрового кодекса о регулировании гражданско-правовых отношений в цифровой среде гражданским законодательством, но уже применительно к основаниям прекращения правоотношений именно в цифровой среде.

В сущности, из содержания комментируемого пункта следует, что применительно к основаниям прекращения правоотношений в цифровой среде применяется статья 7 ГК, которая (помимо перечисления поименованных оснований) допускает прекращение соответствующих прав и обязанностей вследствие иных действий граждан и юридических лиц, а также событий, с которыми законодательство Республики Казахстан связывает наступление гражданско-правовых последствий.²³ В том числе указанная статья 7 (как и комментируемая статья) допускает, чтобы основания прекращения были предусмотрены в договоре между участниками цифровой среды.

...

II. Ремарки (дополнения к комментариям) к статьям 4, 5, 9, 16, 26, 34, 37 и 41

Статья 4. Принципы цифрового законодательства Республики Казахстан

Правовое регулирование общественных отношений в цифровой среде основывается на следующих основных принципах:

- 1) соблюдение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде;*
- 2) безопасность человека, общества и государства при применении цифровых технологий;*
- 3) свобода обращения цифровых данных;*
- 4) свобода создания, развития и применения цифровых технологий;*

²³ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В трех книгах. Книга 1. С. 87 - 94 (комментарий ст. 7 ГК).

- 5) баланс частных и публичных интересов;
- 6) доступность и инклюзивность цифровой среды;
- 7) пропорциональное и обоснованное участие государства в цифровой среде;
- 8) технологическая нейтральность правового регулирования;
- 9) цифровая этика и социальная ответственность.

1. Цифровая среда является областью гражданско-правовых отношений, в рамках которой правоотношения складываются по поводу цифровых данных, а права на разнообразные цифровые объекты возникают и передаются с использованием цифровых технологий.

Сами цифровые объекты являются объектами гражданских прав, права на которые могут переходить на основании гражданско-правового договора (пункт 2 статьи 1 и пункт 4 статьи 38 Цифрового кодекса), если: (i) оборот каких-то цифровых объектов или их видов не запрещен или не ограничен законом (в частности, в самом Цифровом кодексе, например, в соответствии пунктом 3 статьи 21 идентификационные цифровые данные не являются оборотоспособным имуществом, а оборот распределенных цифровых объектов и национальных цифровых объектов запрещен пунктом 5 статьи 26 и пунктом 3 статьи 34, соответственно), либо (ii) они представляют собой неимущественное / нематериальное благо (как, к примеру, идентификационная цифровая запись согласно пункту 3 статьи 21 и цифровая идентичность согласно пункту 1 статьи 40), права на которые подлежат правовой защите в качестве личных [неимущественных] прав (как, например, права субъекта цифровых данных в соответствии с пунктом 4 статьи 37 и цифровая идентичность в соответствии с тем же пунктом 3 статьи 40).

В свою очередь, согласно пункту 1 статьи 1 ГК, такие имущественные и личные неимущественные отношения, включая защиту имущественных и личных [неимущественных] прав, регулируются гражданским законодательством.

В связи с этим та часть (и она является преобладающей) цифровой среды, в которой реализуются гражданские правоотношения, основанные на равенстве участников, своей правовой основой имеет гражданское законодательство. Соответственно, правовое регулирование этих отношений в цифровой среде осуществляется на началах гражданского законодательства, закрепленных в статье 2 ГК, с применением презумпций и правил осуществления гражданских прав, установленных в статье 8 ГК, и подлежащих защите как предусмотрено в статьях 9 и 10 ГК.

С учетом этого, перечисляемые в комментируемой статье принципы следует рассматривать, помимо разъясняемого в данном комментарии, как подлежащие соблюдению, во-первых, в той части, которая не приводит к нарушению или иному умалению основных начал гражданского законодательства и(или) игнорированию установленных в ГК презумпций поведения субъектов гражданского оборота (включая субъектов цифровой

среды), и во-вторых, как принципы использования применяемых в цифровой среде цифровых технологий для обеспечения формирования, использования, передачи цифровых данных, обеспечения правомерного доступа к ним и защите прав субъектов цифровых данных.

...

2. В подпункте 5) комментируемой статьи закрепляется принцип баланса частных и публичных интересов. В данном случае, понятие «публичный интерес» следует понимать в соответствии с общепринятым значением, признанным в экономически развитых демократических правовых порядках, как согласовано, к примеру, в документах Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР).²⁴

Так, если частный интерес (*private interest*) означает, в широком понимании этого термина, любой (в первую очередь, правомерный) интерес отдельного участника сферы общественных отношений в получении им прямых и косвенных выгод, то публичный интерес (*public interest*) – это потребность подавляющего большинства заинтересованных лиц в рамках данного правового порядка / юрисдикции в приемлемом уровне качества повседневной жизни граждан, в коллективном благополучии общества, в обеспечении честности и доверия при всех существующих формах социального взаимодействия. Причем, обеспечение соблюдения публичного интереса (служение публичному интересу) признается миссией правительств и государственных учреждений.

Таким образом, не следует смешивать публичный интерес с интересами государственного аппарата, а, тем более, с интересами отдельных должностных лиц государства (какую бы высокую должность они ни занимали): согласно ГК, государство является равноправным с гражданами и юридическими лицами участником гражданских отношений, включая имущественные и регулируемые ГК личные неимущественные общественные отношения в цифровой среде.

...

...

Статья 5. Соблюдение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде

1. Права, свободы и законные интересы человека в цифровой среде признаются высшей ценностью, и их ограничение возможно только законами Республики Казахстан и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

2. Отношения в цифровой среде основываются на свободном, осознанном и выраженном волеизъявлении человека.

²⁴ См. OECD (2026), *Recommendation of the Council on OECD Guidelines for Managing Conflict of Interest in the Public Sector*, OECD/LEGAL/0316; OECD (2017), *Preventing Policy Capture: Integrity in Public Decision Making*, OECD. Public Governance Reviews, OECD Publishing, Paris.
<http://dx.doi.org/10.1787/9789264065239-en>

....

1. В пункте 1 комментируемой статьи определены основания, при которых допускается законодательное ограничение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде.

В широком смысле эти ограничения обусловлены принятыми в нашей стране нравственностью и социальным порядком. Для применения этих ограничений в правовой сфере (включая правовое регулирование цифровой среды) существует юридический термин – публичный порядок (*ordre public* / *public order* / *public policy*). Его значение заключается не столько в том, чтобы отказать в применении правовых норм или не допустить применения правовых норм (включая нормы международных договоров), сколько не позволить негативных последствий их применения для основ государственности данной страны и признаваемого в ней публичного интереса. Поскольку же этот термин (публичный порядок). объективно является общим, абстрактным и относительным понятием, то в каждом конкретном случае угроза публичному порядку определяется судьями, в том числе судьями конституционного суда (когда угроза публичному порядку (тем же конституционным основам) содержится в принимаемых государственными органами правовых актах).²⁵

Это понятие используется и в казахстанском праве (в том числе в нормах ГК и законодательстве об арбитраже) как юридический термин.

Несмотря на то, что пункт 1 комментируемой статьи преимущественно адресован законодателю и регуляторам, соответствие принимаемых ими актов содержанию этого пункта будет определяться судебским усмотрением и резолюциями Конституционного Суда Республики Казахстан, являющимися органами, которые в своей деятельности и при осуществлении своих полномочий руководствуются именно правовыми понятиями.

Кроме того, такие критерии, как используемые в комментируемой статье «охрана общественного порядка, права и свобода человека, здоровье и нравственность населения» являются слишком широкими, позволяя ограничение свободы даже в тех случаях, когда угрозу публичному интересу и(или) публичному порядку идентифицировать невозможно или не обоснованно, а проявление частного произвола является очевидным.

В связи с этим, представляется целесообразным при применении пункта 1 комментируемой статьи исходить из того, что предусмотренные к нем цели «защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения» означают публичный порядок Республики Казахстан и не допускают

²⁵ См. Thoma I. *Public policy (ordre public)*. Encyclopedia of Private International Law. Jü. Basedow, G. Rühl, F. Ferrari and P. de Miguel Asensio, Eds. Edward Elgar Publishing, 2017. Vol. 2, 1854 p. P. 1453 - 1459.

трактование этих целей иным образом, чем общепризнанное в мировой практике понятие публичного порядка.²⁶

2. Пункт 2 комментируемой статьи обусловлен признанием цифровой среды областью гражданских правоотношений, и в своём содержании соответствует общим началам гражданского законодательства, закрепленным в статье 2 ГК.

В то же время, с учетом пункта 1 статьи 36 Цифрового кодекса (согласно которому субъектами цифровой среды могут быть физические и юридические лица, а также иные лица, обладающие цифровой идентичностью) в комментируемой статье закрепляется частная автономия любого субъекта, являющегося в соответствии с Цифровым кодексом субъектом цифровой среды.

...

...

Статья 9. Баланс частных и публичных интересов

1. Регулирование общественных отношений в цифровой среде осуществляется с соблюдением баланса между частными и публичными интересами.

2. Реализация публичных интересов не должна приводить к необоснованному ограничению прав частных лиц.

3. При осуществлении государственного регулирования обеспечивается соразмерность между его целями и последствиями для человека и гражданина, интересами общества и государства.

4. Государственные органы и организации обеспечивают прозрачность, открытость и мотивированность решений, принимаемых с использованием цифровых технологий.

1. Пункт 1 комментируемой статьи адресован законодателю и регуляторам (государственным и профессиональным саморегулируемым организациям), осуществляющим полномочия формирования правил поведения, контроля их соблюдения и юридически обоснованного принуждения к их соблюдению субъектами цифровой среды.

В данном случае, понятие «публичный интерес» следует понимать в соответствии общепринятым значением, признанным в экономически развитых демократических правовых порядках, как согласовано, к примеру, в документах Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР).²⁷

²⁶ См. Карагузов Ф. О легальной дефиниции «Основы правового порядка Республики Казахстан». Интернет-ресурс https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39342132&pos=6;-110#pos=6;-110; Karagussov F. About a Concept of Ordre Public in Law of Kazakhstan. Интернет-ресурс https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34304654&pos=6;-110#pos=6;-110 [15.04.2025].

²⁷ См. OECD (2026), *Recommendation of the Council on OECD Guidelines for Managing Conflict of Interest in the Public Sector*, OECD/LEGAL/0316; OECD (2017), *Preventing Policy Capture: Integrity in Public Decision Making*, OECD. Public Governance Reviews, OECCD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264065239-en>

Так, если частный интерес (*private interest*) означает, в широком понимании этого термина, любой (в первую очередь, правомерный) интерес отдельного участника сферы общественных отношений в получении им прямых и косвенных выгод, то публичный интерес (*public interest*) – это потребность подавляющего большинства заинтересованных лиц в рамках данного правового порядка / юрисдикции в приемлемом уровне качества повседневной жизни граждан, в коллективном благополучии общества, в обеспечении честности и доверия при всех существующих формах социального взаимодействия. Причем, обеспечение соблюдения публичного интереса (служение публичному интересу) признается миссией правительств и государственных учреждений.

Таким образом, не следует смешивать публичный интерес с интересами государственного аппарата, а, тем более, с интересами отдельных должностных лиц государства (какую бы высокую должность они ни занимали): согласно ГК, государство является равноправным с гражданами и юридическими лицами участником гражданских отношений, включая имущественные и регулируемые ГК личные неимущественные общественные отношения в цифровой среде.

2. Пункт 2 комментируемой статьи следует понимать как: (i) адресованный государственному аппарату и негосударственным регуляторам отношений, складывающихся в цифровой, а также (ii) предупреждающий их от того, чтобы ограничивать права субъектов цифровой среды (государственных и негосударственных) осуществлением действий в узковедомственных интересах или интересах саморегулируемой организации.

Однако, положения этого пункта не должны препятствовать ограничению прав отдельных частных лиц (включая само государство, то есть его государственный аппарат), если этого требует охрана или соблюдение публичного интереса (*public interest*) в том его понимании, как изложено в пункте 1 выше.

...

...

Статья 16. Цифровые данные

1. Цифровыми данными является информация, предоставленная в цифровой форме и пригодная для автоматизированного и (или) аналитического сбора, хранения, обработки, использования, передачи, распространения или удаления независимо от способа ее получения и формы цифрового предоставления.

....

1. В пункте 1 комментируемой статьи устанавливаются критерии, при соблюдении которых информация может признаваться цифровыми данными: (i) информация должна быть предоставлена в цифровой форме, и (ii) она должна быть «пригодной для автоматизированного и (или)

аналитического сбора, хранения, обработки, использования, передачи, распространения или удаления независимо от способа ее получения и формы цифрового предоставления».

Критерий пригодности следует понимать как пригодность информации для перечисляемых действий (операций) с ней с использованием цифровых технологий. Если указанная автоматизация и(или) аналитика в отношении предоставленной информации (даже будучи предоставленной в цифровой форме) не позволяет использование цифровых технологий в отношении любой из (и всех) перечисленных в этом пункте операций в отношении нее (с ней, с ее использованием), информация не может считаться цифровыми данными.

Кроме того, фраза «независимо от способа ее получения» должна пониматься как то, что для ее признания цифровыми данными соответствующая информация всегда должна быть предоставлена в цифровой форме. Вместе с тем, субъект, который уполномочен преобразовывать информацию в цифровые данные и осуществлять с ними перечисленные в комментируемой статье действия (операции), не ограничивается только ее получением в цифровой форме от лица, обязанного или уполномоченного ее предоставлять таким образом. Комментируемая норма позволяет такому субъекту получать информацию также из любых других законных источников (получать ее любым способом), но обязывает его преобразовывать в цифровые данные с использованием цифровых технологий, чтобы иметь возможность и способность осуществлять с ними перечисленные в комментируемой статье действия (также, но уже исключительно с использованием цифровых технологий).

...

...

Статья 26. Распределенные цифровые объекты

...

4. Особенности владения, пользования и распоряжения распределенными цифровыми объектами определяются настоящим Кодексом и законами Республики Казахстан.

5. Распределенные цифровые объекты являются объектами совместного владения, исключенными из оборота.

...

4. В пункте 4 комментируемой статьи предусмотрено, что особенности владения, пользования и распоряжения распределенными цифровыми объектами определяются Цифровым кодексом и другими законами Республики Казахстан. Это означает, что такие особенности как предусматриваются, так и могут предусматриваться указанным способом.

Примером того, что эти особенности предусматриваются нормами самого Цифрового кодекса является статья 35 этого Кодекса, согласно которой распределенные цифровые объекты являются [или могут быть] объектом такой формы собственности, как цифровой кондоминиум, в состав которого индивидуальные цифровые объекты, принадлежащие участникам, и общие цифровые объекты, совместно используемые участниками для функционирования соответствующей инфраструктуры, и которые могут принадлежать этим участникам на праве общей собственности (либо они могут принадлежать субъекту, который осуществляет координацию, контроль, обеспечение функционирования или подтверждение операций участников в централизованно-распределенном цифровом объекте) (см. комментарий к статье 35 Цифрового кодекса).

Другим таким примером является пункт 5 комментируемой статьи.

5. В пункте 5 комментируемой статьи предусмотрено, что распределенные цифровые объекты являются объектами совместного владения, исключенными из оборота.

Поскольку цифровая среда является областью гражданско-правовых отношений, а цифровые объекты признаются объектами гражданских прав, включая право собственности, и объектом владения (см. комментарий статей 1 и 35 Цифрового кодекса), то, по общему правилу статьи 116 ГК, все цифровые объекты являются оборотоспособными. Это означает, что, будучи оборотоспособными имуществом, цифровые объекты могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального или сингулярного правопреемства либо иным способом. В то же время статья 116 ГК допускает, что какие-то объекты или виды объектов гражданских прав могут быть изъяты из оборота или быть ограничены в обороте.²⁸

Согласно пункту 2 статьи 116 ГК виды имущества, отчуждение которых не допускается (изъятых из оборота), должны быть прямо указаны в законе. В соответствии с этим требованием ГК комментируемая статья в пункте 5 указывает на распределенные цифровые объекты как имущество, изъятое из оборота.

Такое изъятие обусловливается сущностью / предназначением распределенных цифровых объектов. Таковые используются для подтверждения и передачи прав или полномочий (в том числе в отношении цифровых объектов) любого использующего их лица и множества таких лиц, круг которых не является стабильным, а изменяющимся по мере осуществления или передачи удостоверяемых посредством распределенного цифрового объекта гражданских прав и иных полномочий (титулов). Допущение каких-либо сделок с такими распределенными

²⁸ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). В трех книгах. Книга 2. С. 41 - 50 (комментарий статьи 116 ГК)

цифровыми объектами создаёт чрезвычайно высокую степень риска нарушения или умаления имущественных прав неопределенного и возможно очень широкого круга лиц, и в конечном счете угрожает правопорядку и публичному интересу. Именно поэтому Цифровой кодекс предусматривает особые обязанности по управлению и поддержанию функционирования этих распределенных цифровых объектов и закрепляет их исключение из оборота.

...

Статья 34. Национальные цифровые объекты

...

3. Национальные цифровые объекты являются объектами публичного интереса и не подлежат отчуждению, передаче в залог, установлению в отношении них обременений или имущественных притязаний, а также взысканию по обязательствам владельцев или иных лиц, за исключением случаев, прямо предусмотренных законами Республики Казахстан.

...

3. Пунктом 3 комментируемой статьи впервые в казахстанском законодательстве используется легальный термин «объект публичного интереса».

В экономически развитых демократических правопорядках эта правовая концепция используется, как правило, для того чтобы отделить частное имущество (*private property*) от публичного имущества (*public property*). Эта классификация обуславливается не личностью субъекта права собственности (ибо государство может быть субъектом государственной, то есть частной собственности, а негосударственное лицо может быть собственником публичного имущества), но наличием публичного интереса в существовании публичного имущества, в его предназначении служить / использоваться для удовлетворения всеобщих потребностей (потребностей любого и всех субъектов данной юрисдикции) (*common use or for common benefits*).

В свою очередь, с учетом общепринятого значения, согласованного, к примеру, в документах Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР),²⁹ публичный интерес (*public interest*) – это потребность подавляющего большинства заинтересованных лиц в рамках данного правопорядка / юрисдикции в приемлемом уровне качества каждодневной жизни граждан, в коллективном благополучии общества, в обеспечении честности и доверия при всех существующих формах социального взаимодействия. Причем, обеспечение соблюдения публичного интереса

²⁹ См. OECD (2026), *Recommendation of the Council on OECD Guidelines for Managing Conflict of Interest in the Public Sector*, OECD/LEGAL/0316; OECD (2017), *Preventing Policy Capture: Integrity in Public Decision Making*, OECD. Public Governance Reviews, OECCD Publishing, Paris.
<http://dx.doi.org/10.1787/9789264065239-en>

(служение публичному интересу) признается миссией правительств и государственных учреждений.

Многие из предусмотренных в Цифровом кодексе видов цифровых объектов могут принадлежать частным лицам, но быть публичным имуществом, поскольку от их надлежащего функционирования зависит цифровая безопасность и государства, множества организаций и неопределенного числа граждан (например, цифровые платформы, центры обработки данных, цифровые платформы). Оставление неограниченного контроля в отношении их функционирования и правомочий решать их правовую судьбу единоличному собственнику ставит под угрозу права граждан нашей страны и национальные интересы в сохранении государственности и национальной безопасности.

В связи с этим в пункте 3 комментируемой статьи предусмотрены ограничения правомочий собственника распоряжаться принадлежащим ему объектом публичного интереса, решать его правовую судьбу и использовать его в своих исключительных (частных) интересах. Эти законодательные ограничения (как они установлены в пункте 3 комментируемой статьи) применяются в полном объеме и непосредственно в отношении любого имущества, признанного в соответствии с законодательством национальным цифровым объектом. И несмотря на то, что в пункте 3 комментируемой статьи допускается установление законами Республики Казахстан каких-то исключений из такого правового режима, общего для всех объектов публичного интереса, эти исключения должны устанавливаться также исходя из необходимости соблюсти и защитить публичный интерес, а не обслуживать какие-либо частные интересы (в том числе интересы государства как аппарата чиновничьей власти).

На данном этапе общественного развития такой правовой режим объекта публичного интереса Цифровой кодекс определил только в отношении национальных цифровых систем. Однако, представляется с развитием социально-экономических отношений и модернизацией гражданского законодательства Республики Казахстан установление такого режима в отношении целого ряда цифровых объектов других видов, имеющих аналогичное значение в качестве объектов публичного интереса (как указано выше), представляется не только целесообразным, но и неизбежным.³⁰

...

Статья 37. Субъекты цифровых данных

...

³⁰ См. Карагузов Ф. Будущий Цифровой кодекс Республики Казахстан должен признать и обеспечить правовую охрану публичного интереса в цифровой среде наряду с надлежащей защитой гражданских прав на цифровые данные и цифровые объекты. Интернет-ресурс https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35925544&pos=56;-43#pos=56;-43 [16.11.2025].

4. Субъект цифровых данных обладает правом на защиту своих личных неимущественных прав, возникающих в связи с формированием и использованием его цифровых данных, а также правомочий в отношении этих цифровых данных, включая право на доступ к ним, контроль, удаление, ограничение обработки, а также на получение информации о целях, правовых основаниях и способах обработки цифровых данных.

5. Реализация указанных прав осуществляется при подтверждении субъекта цифровых данных либо полномочий его представителя, а также при подтверждении принадлежности соответствующих цифровых данных такому субъекту.

...

4. В пункте 4 комментируемой статьи признается наличие личных [неимущественных] прав у субъекта цифровых данных. В этом пункте перечисляются некоторые правомочия субъекта цифровых данных, подлежащих правовой охране и защите в соответствии с гражданским и цифровым законодательством Республики Казахстан.

В частности, по вопросам защиты указанных личных неимущественных прав (как отмечено выше) помимо положений Цифрового кодекса, также могут применяться нормы статей 141 - 145 ГК, в которых не только сформулированы общие положения о защите личных неимущественных прав вообще, но которые также призваны регулировать гражданским законодательством личные неимущественные права, что является особенностью казахстанской правовой системы.³¹

Вместе с тем, Цифровой кодекс расширяет не только перечень личных прав субъектов гражданских правоотношений, складывающихся в цифровой, но и (в традициях казахстанского ГК) регулирует их (см. например, статью 41 Цифрового кодекса).

Традиционным является законодательное признание наличия личных [неимущественных] прав только у граждан (физических лиц). Поэтому комментируемая статья (как и все другие нормы Цифрового кодекса, признающие какие-то цифровые объекты и другие феномены цифровой среды нематериальным благом и предусматривающие распространение режима правовой защиты личных неимущественных прав, регулируемого в ГК) относятся к личным правам и защите личных прав граждан.

Развитие социально-экономических отношений и цивилистической доктрины может показать в будущем целесообразность или возможность признания таких нематериальных благ в цифровой среде за юридическими лицами, и обоснованность правовой защиты их соответствующих неимущественных прав в цифровой среде.

5. Элементом такого регулирования личных [неимущественных] также является **пункт 5 комментируемой статьи**, согласно которому осуществление упомянутых личных [неимущественных] прав допускается при подтверждении субъекта цифровых данных либо полномочий его

³¹ См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). Книга 2. С. 20, а также 326 – 354 (комментарий стст. 141 – 145 ГК).

представителя, а также при подтверждении принадлежности соответствующих цифровых данных такому субъекту.

Очевидно, что в данном случае речь идет, прежде всего, о цифровой идентичности (см. комментарий к статье 40 Цифрового кодекса) как субъекта цифровой среды, так и его представителя (который в связи с этим также приобретает признаки субъекта цифровой среды, по сути, становится таковым).

В связи с этим применение в цифровой среде традиционных для гражданского оборота способов удостоверения личности и подтверждения полномочий представителя невозможно. Это должно осуществляться исключительно в рамках цифровой среды и с использованием цифровых технологий, которое (это использование), однако, должно регламентироваться правовыми инструментами (например, законодательством, пользовательскими соглашениями, смарт-контрактом и другими подобными, но обязательно цифровыми способами).

...

Статья 41. Право на удаление, анонимизацию и ограничение обработки персональных данных

1. Субъект персональных данных вправе требовать удаления, анонимизации или ограничения обработки своих персональных данных, размещенных или обрабатываемых в цифровой среде, независимо от основания их получения, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан.

Под анонимизацией персональных данных понимаются действия, в результате совершения которых определение принадлежности персональных данных субъекту персональных данных становится невозможным.

2. Владелец цифровых объектов или иное лицо, осуществляющее обработку персональных данных, обязаны исполнить требование субъекта персональных данных об удалении, анонимизации или ограничении обработки персональных данных в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан о персональных данных и их защите.

...

1. Комментируемая статья свидетельствует о том, что своим содержанием Цифровой кодекс предлагает правовые решения в условиях продолжающейся цифровизации общественных отношений и вводит новые виды прав для защиты личности в цифровой среде.

В частности, комментируемая статья предусматривает так называемое «право на забвение», которое впервые на кодифицированном уровне устанавливает возможность для физического лица требовать удаления устаревшей, неточной или незаконной личной информации из публичного доступа и результатов поиска, что является ключевым элементом европейских стандартов защиты персональных данных.

В пункте 1 комментируемой статьи это право названо «правом требовать удаления своих персональных данных, размещенных или обрабатываемых в цифровой среде».

Это право является личным [неимущественным] правом гражданина, признаваемого субъектом цифровой среды. Оно подлежит правовой охране и защите в соответствии с гражданским и цифровым законодательством Республики Казахстан.

В частности, по вопросам защиты указанных личных неимущественных прав (как отмечено выше) помимо положений Цифрового кодекса, также могут (как основополагающие в этом вопросе нормы) применяться нормы статей 141 - 145 ГК, в которых не только сформулированы общие положения о защите личных неимущественных прав вообще, но которые также призваны регулировать гражданским законодательством личные неимущественные права, что является особенностью казахстанской правовой системы.³²

2. В этом же пункте 1 комментируемой статьи предусмотрено право требовать анонимизации персональных данных, определяемой как «действия, в результате совершения которых определение принадлежности персональных данных субъекту персональных данных становится невозможным». Эта норма Цифрового кодекса соответствует пункту 2 статьи 15 ГК, согласно которым законодательством могут быть предусмотрены случаи анонимного приобретения гражданами прав и осуществления обязанностей.

В то же время, следует понимать, что анонимность в цифровой среде означает отсутствие возможности определять принадлежность субъекту его персональных данных лишь у других равноправных с ним субъектов цифровой среды. Поскольку же комментируемая статья закрепляет право требовать анонимизации, то принадлежность персональных данных требующему анонимизации субъекту может остаться известной тому лицу, к которому соответствующее требование обращено. В этой связи установленный в этом пункте критерий анонимизации (то есть невозможность определить принадлежность персональных данных потребовавшему анонимизации субъекту) возлагает на упомянутое лицо (к которому обращено требование об этой анонимизации) обязанность обеспечить требуемую невозможность. А исполнение (надлежащее исполнение) этой обязанности обеспечивается нормами Цифрового кодекса о том, что право на такую анонимизацию защищается как личное [неимущественное] право субъекта цифровой среды.

3. В пункте 2 комментируемой статьи определяется лицо, к которому может быть обращено требование как об удалении, так и об анонимизации

³² См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): Комментарий (постатейный). Книга 2. С. 20, а также 326 – 354 (комментарий стст. 141 – 145 ГК).

персональных требований. Это может быть владелец цифровых объектов или иное лицо, осуществляющее обработку персональных данных.

В этом пункте устанавливается обязанность выполнить требование об удалении, анонимизации или ограничении обработки персональных данных. Однако эту норму следует понимать не только как буквальное выполнение этого требования. Ее действие также предполагает обеспечение лицом, к которому соответствующее требование обращено, достижения цели такого требования в непрерывно длящемся временном периоде. То есть удаленные персональные данные не должны в какой-то момент воспроизвестись где-либо в цифровой среде, а принадлежность персональных данных лицу, которое ранее потребовало анонимизации, не должна стать известной кому бы то ни было из субъектов цифровой среды и гражданского оборота в целом. А исполнение (надлежащее исполнение) этой обязанности лицом, к которому предъявлено требование об удалении или анонимизации персональных данных, также обеспечивается нормами Цифрового кодекса о том, что право на удаление персональных заданных или на такую анонимизацию защищается как личное [неимущественное] право субъекта цифровой среды.

27 июля 2026 г.